ВРАЗУМИТЕЛЬ ВОЖДЕЙ

Жизнь и подвиги Преподобного Сергия Радонежского

Александр С. Летуновский

Вразумитель вождей. Жизнь и подвиги Преподобного Сергия Радонежского

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7059822
Вразумитель вождей. Жизнь и подвиги Преподобного Сергия Радонежского / Александр Летуновский: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72144-3

Аннотация

К 700-летию Преподобного Сергия Радонежского.

Его величают «игуменом Земли Русской», «воеводою Святой Руси» и «вразумителем вождей». Его слово смиряло враждующих князей, ускорив их объединение вокруг Москвы. Его духовный подвиг поднял русский народ на борьбу против иноземных захватчиков. Благословение Сергия Радонежского вело войско князя Дмитрия на Куликовскую битву, а его молитва хранила воинов на поле боя, где решалась судьба Отечества.

Эта повесть воскрешает грандиозную эпоху духовного взлета Святой Руси. Эта книга – дань светлой памяти одного из самых почитаемых святых и величайших героев Русской Земли.

Одобрено Русской Православной Церковью.

Содержание

Предисловие 4
Благословенное дитя 8
Год 1326 15
Год 1330 26
Год 1338 35
Год 1339 44
Год 1340 57
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Александр Сергеевич Летуновский Вразумитель вождей. Жизнь и подвиги Преподобного Сергия Радонежского

Ненадёжно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надёжнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним.
Святитель Филарет, Митрополит Московский. 1884 г.

Предисловие

Вразумителем вождей назвал Сергия Радонежского Епифаний Премудрый, очевидец его святой жизни и автор её описания.

В «Похвальном слове отцу нашему Сергию» Епифаний писал: **«Бог возлюбил Преподобного за искреннее желание угодить Ему, возвеличил и прославил его, ибо сказано: *Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены (1 Цар.: 2, 30). Разве может утаиться слава того, кого возвеличил Бог? Значит, следует и нам по достоинству ублажать и прославлять святого Сергия».***

«Только вспомнив, «откуда есть пошла русская земля», где и в какой почве окрепли благодатные корни, в течение десяти веков питавшие народную жизнь, можно правильно ответить на вопросы, не ответив на которые не жить нам дальше, а догнивать. На этом пути не обойтись без Православной Церкви, древнейшего хранилища живой веры и нравственной чистоты», – писал в 1992 году митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн Снычёв.

Во второй половине XIV века три великих человека, прозрев будущее и проявив решимость, стали вдохновителями и созидателями Русской Державы, навечно скреплённой духом Православия:

святитель Алексий, воспитавший великого князя Дмитрия в духе Православия и подвигнувший его на борьбу за объединение Руси;

Великий Князь Владимирский и Московский Дмитрий Иванович, познавший и воспринявший объединяющую силу Православия, сумевший соединить разрозненные княжества и победить в решающей битве врагов, желавших уничтожить возрождающееся Русское государство;

Преподобный Сергий Радонежский, с пелёнок посвящённый Богу, с младенчества приобщённый богослужению, с юных лет получивший знания из богодуховных книг, всю жизнь следовавший канонам «Нового Завета», как руководству, данному от Бога для Веры и Жизни.

Божественную мудрость Сергий постигал по житиям святых, святоотеческим писаниям, разным Палеям, сборникам, летописным сказаниям о минувших судьбах родной земли – по книгам, которые были в доме его отца. Из этих книг Варфоломей черпал уроки благочестия, в нём раскрывались чувство любви к Родине и готовность к служению земле Русской, к подвигам для угождения Богу.

Как пишет архимандрит Никон в своём описании жизни Сергия Радонежского: «в доме Благочестивого боярина Кирилла не было недостатка в таких книгах, отрок Варфоломей их читал и перечитывал… Почерпая из книг уроки мудрости духовной, он тотчас же старался прилагать их к жизни своей – «не так», замечает святитель Филарет, «как многие долголет-

ние учёные, которых учение цветёт в словах, но в делах не созревает» [1]. Как писал Епифаний Премудрый: **«Чему Сергий учил словом, то сам совершал на деле».**

В доме боярина Кирилла также были божественные книги из Византии, написанные на греческом языке. Будучи образованным человеком, Кирилл обучал своих сыновей греческому языку. Вполне вероятно, что Варфоломей впервые ознакомился с «Новым Заветом» из этих греческих книг.

Новозаветные священные книги на греческом языке завозили на Русь с самого начала прихода в наши княжества греческих миссионеров. Привозимые из Византии греческие книги были большой редкостью и распространялись по монастырям и храмам. Попадали они и в дома князей и бояр, которые принимали Православную веру.

Первоначально все книги «Нового Завета» были написаны по-гречески. Русский перевод божественных книг появился значительно позже. «Славянский перевод «Нового Завета» с греческого текста был сделан св. равноапостольными Кириллом и Мефодием во второй половине девятого века и вместе с христианством перешёл к нам в Россию при св. Владимире… Затем в 14-м веке святителем Алексием, митрополитом московским сделан был перевод св. книг «Нового Завета», в то время когда св. Алексий находился в Константинополе» [3, т. 8, с. 15]. Следует отметить, что Новозаветные книги, переведённые Кириллом и Мефодием, попадали на Русь крайне редко и в разрозненном виде. После перевода книг митрополитом Алексием их стали более активно переписывать на Руси. И несомненно, один из списков святитель Алексий преподнёс своему лучшему другу и единомышленнику игумену Сергию Радонежскому. С тех пор Преподобный Сергий всё более углублялся в постижение Божественной мудрости и совершенствовался в духовном развитии. Таким образом он всю свою жизнь следовал канонам «Нового Завета» – руководству, данному от Бога для Веры и Жизни. Так Преподобный стал духовным лидером, посвятившим свою жизнь распространению Православной веры среди племён и народов, живших на Руси.

Преподобный Сергий посвятил свою жизнь нравственному воспитанию народа, что привело к укреплению политических сил на Руси и способствовало объединению разрозненных княжеств в единое Русское государство. Не может стать прочной политическая власть без укрепления нравственных сил народа.

«Крещение дало нашим предкам высшую свободу – свободу выбора между Добром и Злом, а победа Православия подарила Руси тысячелетнюю историю» [13]. «Не Москва, не Тверь, не Новгород, а русская Православная Церковь, как общественный институт, стала выразительницей надежд и чаяний всех русских людей независимо от их симпатий к отдельным князьям», [14] – писал Л. Н. Гумилёв. В своих трудах он предложил новую реконструкцию русской истории IX–XIV веков. Выдающийся учёный, знаток русских летописей академик Д.С. Лихачёв считал Л.Н. Гумилёва «крупнейшим специалистом по трактуемым вопросам».

Преподобный Сергий Радонежский был учителем Православия для христолюбивых великих князей и вельмож, единомышленником, другом и продолжателем дела святителя Алексия, после его смерти ставший наставником и вдохновителем великого князя Дмитрия. Будучи игуменом Свято-Троицкой обители, Сергий Радонежский был в определённом смысле и политическим деятелем, миротворцем для воюющих и злоумышляющих. Пройдя пешком многие земли, убеждая князей и вельмож в их предназначении и ответственности перед Богом, перед своим народом и Отечеством, он сделал чрезвычайно много для умиротворения князей.

Летописцы с полным основанием именовали Сергия Радонежского игуменом всея Руси. Святая Церковь достойно и праведно величает его возбранным воеводою Русской земли. «Возбранный» – на старославянском языке означает – «Призванный защищать, ограждать от чего-либо» [20].

Богоносный игумен Сергий Радонежский не оставил никаких записей. Воспримем как промысел Божий появление в его обители Епифания Премудрого, талантливого писателя и одного из образованнейших людей своего времени. Много лет трудился Епифаний, чтобы не остались безвестными для потомков великие дела Сергия.

Стараясь пополнить свои собственные знания, Епифаний собирал различные сведения о жизни Сергия от отцов и старцев, лично знавших его. Когда, наконец, было собрано всё, что можно было, перед ним возникла новая проблема – как «в нынешнее время по порядку описать всё житие

Сергия и рассказать о многих его подвигах и бесчисленных трудах». В сложной обстановке создавал Епифаний свой труд. Как писал он сам: «Я удивляюсь тому, что минуло столько лет, а житие Сергия не написано. Я горько опечален тем, что с тех пор, как умер этот святой старец и совершенный, прошло уже двадцать шесть лет, и никто не дерзнул написать о нём – ни близкие ему люди, ни дальние, ни великие, ни простые: великие не хотели писать, а простые не смели». Помолившись Всемилостивому Богу и Пречистой Его Матери, Епифаний приступил к подробному описанию жизни Сергия Радонежского.

О главной цели своего многолетнего труда Епифаний сообщает нам: «Я так подробно писал не для тех, кому доподлинно и в подробностях известна благочестивая жизнь святого старца, – они не нуждаются в моей повести. Я постарался собрать и записать сведения о его жизни для новорожденных младенцев и юных отроков – для тех, кто имеет незрелый ум, ибо, когда они вырастут, возмужают, преуспеют в учении, достигнут возраста мужа совершенного и зрелого ума, тогда, услышав от кого-либо о Сергии, они прочтут мою повесть, осмыслят и расскажут другим. **По слову Священного Писания:** ***Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе*** **(Втор. 32. 7),** ***что видели мы, и слышали, и узнали, и отцы наши рассказали нам, чтобы не скрылось это от детей их, которые расскажут сыновьям своим, чтобы знал грядущий род, сыновья, которые родятся, и чтобы они в своё время возвещали детям своим, чтобы они не забыли дел Божиих»*** **(Пс. 77, 3, *6,* 7).**

К сожалению, оригинал рукописи «Жития Сергия Радонежского», составленной Епифанием Премудрым, не сохранился, остались только её переработанные копии. Последующие переписчики рукописи вносили в неё изменения и добавления, руководствуясь указаниями правителей или собственными домыслами. Предполагается, что Епифаний Премудрый в своей рукописи не указал точно год рождения Преподобного, число лет жизни и год кончины. Мнения исследователей по этому поводу разделились. Например, митрополит Московский и Коломенский Макарий в своём многотомном труде «История Русской Церкви» писал: «…полагаем время рождения святого Сергия приблизительно около 1320 г…» [4]. Православные историки до сих пор спорят о том, в каком году родился Преподобный. Сегодня предполагают две даты: 1314 год и 1319 год.

Опираясь на труд Епифания и исторические документы, поведаем читателям на современном русском языке о жизни Сергия Радонежского. Постараемся воссоздать его образ и раскрыть его жизнь, его деяния и подвиги в связи с важнейшими событиями в истории Русского государства, показать его отношения с миром, с людьми, его переживания и взгляды, чтобы читатель почувствовал себя очевидцем и участником бесед с Сергием.

Поскольку до настоящего времени ещё не найдена подлинная рукопись Епифания Премудрого и не открыто ни одного нового достоверного источника, число лет жизни Сергия Радонежского, года его рождения и кончины, а также даты других событий приняты по его жизнеописанию, составленному иеромонахом Никоном, изданному в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 1904 году [1. с. 9, с. 240. прим. 13; с. 206. с. 253. прим. 185]. Там же взяты рисунки, большинство которых выполнил известный русский художник Сергей Дмитриевич Милорадович (1851–1943 гг.), писавший картины на историко-религиоз-

ные сюжеты, портреты, пейзажи, бытовые композиции. Гравировку рисунков делал Михаил Николаевич Рашевский, лучший русский гравёр, работавший в Петербурге для издательств И.Д. Сытина и А.Д. Ступина.

Труд сей не является научным исследованием, потому в нём не указаны все использованные источники, не сделаны примечания – это художественное историческое повествование, основанное на исторических документах и работах выдающихся русских историков. Места, связанные с Куликовской битвой, названы так, как они упоминаются в «Сказании о Мамаевом побоище». Все даты указаны по старому стилю. Западные славянские племена отошедшие от Руси, принявшие латинскую веру и объединившиеся в княжество, которое теперь называют «Литовским», здесь именуем старым названием «Литвины» [19].

Вспомним пророческие слова крупнейшего отечественного историка второй половины XIX – начала XX века, профессора, академика Василия Осиповича Ключевского (1841–1911), сказанные им в 1892 году на собрании Московской духовной академии в память Сергия Радонежского: **«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьёт урочный час, он соберёт свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».**

Как во все времена, русский народ и после нынешних нелёгких испытаний возродится и выйдет победителем, ибо, как утверждается в жизнеописании Сергия, составленном его учеником Епифанием Премудрым, Святая Русь, Россия находится под покровительством Богородицы, и мы верим, что Сергий Радонежский, имея дерзновение к Царю Небесному, и ныне молится о нас Христу Богу и поминает нас, недостойных, у Престола Вседержителя, ибо ему дана эта благодать.

Завершающие слова памятной речи историка В. О. Ключевского на собрании Московской духовной академии прозвучали наказом нашему современному обществу:

«Примером своей жизни, высотой своего духа Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нём доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в своё будущее… Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведённые в нём траты».

Благословенное дитя

Благо есть хранить царёву тайну, и достохвально есть возвещать о делах Божиих, ибо нехранение царёвой тайны – опасно и соблазнительно, молчание же о чудесных делах Божиих наносит вред душе.
Епифаний Премудрый

Родители. Отец Михаил. Крещение Варфоломея. Пояснения отца Михаила о чуде в церкви. Волнение родителей о здоровье ребёнка.

Месяц май, день третий

Волей Господа Великий Хранитель Руси Преподобный Сергий Радонежский, был послан нам в один из решающих моментов её истории – в период становления Православной веры и объединения разрозненных княжеств в единую Державу – Святую Русь. Активное распространение Преподобным Сергием Православия привело к нравственному воспитанию и объединению народа, что способствовало политическому возрождению государства.

В жизнеописании Сергия Радонежского отмечено, что Преподобный Сергий родился в мае месяце на третий день, и так определено место его рождения: «Верстах в четырёх от славного в древности, но смиренного ныне Ростова Великого, на ровной открытой местности по пути в Ярославль уединённо расположилась небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы – это заштатный Варницкий монастырь. По древнему преданию, тут была некая весь, название которой забылось в истории, но которая всегда была и будет именита и дорога сердцу православных русских людей, потому что весь эта была благословенной родиной великого печальника и заступника земли Русской, и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца».

Весь та размещалась на пологом склоне, спускавшемся от леса к небольшой речке с прозрачной водой. На её берегу приютились три дома. Две дюжины других стояли вдоль широкой улицы, ведущей к лесу. Дома сплошь деревянные, небольшие, в два-три окошка, крытые соломой. Ставили их давно, потому дерево и солома потемнели от времени. Позади домов прилепились сараи для скота и амбары, в огородах приземистые бани. В конце улицы, ближе к лесу, возвышалась небольшая деревянная церковь. С иконы над входом в церковь на дома и поселян внимательным, заботливым и строгим взглядом смотрел Христос.

Напротив церкви стоял двухэтажный дом с галереей вдоль второго этажа. Во дворе, вымощенном тёсом, располагались хозяйственные постройки, конюшня, коровник, амбар.

Вставало солнце, освещая вершины вековых деревьев. Только-только начинался новый день, но в доме уже давно никто не спал. На втором этаже, в просторной горнице который час, пытаясь унять волнение, ходил хозяин усадьбы боярин Кирилл, высокий, худощавый мужчина лет тридцати пяти с коротко стриженной бородой, светлыми, слегка рыжеватыми волосами. Иногда он подходил к двери в спальню боярыни, прислушивался, пытаясь понять, что там происходит.

Наконец дверь отворилась, выбежала резвая молодая служанка. Кирилл резко повернулся и с тревогой в голосе спросил:

– Ну что? Скоро?

– Уж скоро, боярин, – поспешно ответила служанка и быстро удалилась из горницы, чуть не столкнувшись на пороге с сыном боярина Стефаном, мальчиком лет пяти.

Стефан подбежал к отцу и с нетерпением спросил:

– Тятя, скоро матушка родит?

– Скоро, сынок, скоро, иди погуляй, я позову тебя, – спокойно ответил Кирилл и потрепал мальчика по русой головке. Он не хотел, чтобы его волнение передалось сыну.

– Только обязательно, – торопливо сказал Стефан и побежал к двери.

– Обязательно позову, – проводив сына взглядом, Кирилл подошёл и посмотрел в окно.

Ночные облака уплывали, оставляя чистое небо солнцу. Под его лучами постепенно исчезали длинные тени, всё ярче освещались лес и поле, покрытые молодой зеленью. Только голоса птиц нарушали утреннюю тишину. Кирилл смотрел на просыпающуюся природу, на лес за рекой, на дома вдоль улицы, на крест, венчающий купол церкви, на икону Христа над её входом. Вид за окном успокаивал его и придавал уверенности, что всё будет хорошо, Мария родит ему прекрасное дитя, и волнение его понемногу утихало.

Входная дверь скрипнула. В горницу вошёл отец Михаил. Священник был небольшого роста, с окладистой, тщательно расчёсанной седой бородой. На вид ему было лет семьдесят, а сколько на самом деле – никто не знал. Служил он в местной церкви давно, ещё при родителях Кирилла.

Хозяин поклонился гостю.

Отец Михаил перекрестился на иконы, поклонился боярину и спросил мягким успокаивающим голосом:

– Волнуешься, боярин?

– Волнуюсь, отче, как-то всё будет!

– Не волнуйся, сын мой, всё в руках Господа, а Он милостив.

– Господи! Помоги Марии, чтоб всё хорошо было! – Кирилл повернулся к иконам и перекрестился.

Отец Михаил слегка обнял его за плечо.

– Присядь и послушай меня, сын мой. Праведность твоя и Марии известна не только людям, но и Богу. Да и Мария в ожидании ребёнка берегла себя.

– Да, отче, Мария была особенно внимательна к своему состоянию, тщательно соблюдала душу и тело в чистоте и строгом воздержании во всём, – говорил Кирилл, изредка поглядывая на дверь комнаты боярыни.

– Коли богобоязненная мать пребывала в строгом посте и частой сердечной молитве, так и самое дитя, благословенный плод её чрева, ещё до появления своего на свет некоторым образом уже освящается постом и молитвою. С Божьей помощью благословенная жизнь ваша вознаградится рождением славного дитяти. А ты, боярин, не волнуйся, вы с Марией всё правильно делали.

– Так ведь, отче, все родители должны так поступать, – сказал Кирилл.

– Должны все, да не все то исполняют, – в голосе отца Михаила послышалась грусть. – Если бы родители знали, сколько добра или, напротив, сколько зла могут они сообщить своим детям ещё до их рождения! Они удивились бы точности суда Божия, который благословляет детей в родителях и родителей в детях и отдаёт грехи отцов на чада, и, зная о том, с благоговением проходили бы служение, вверенное им.

В горницу снова вбежал Стефан.

– Тятя, скоро мама родит? – мальчику не терпелось узнать, что будет дальше.

– Скоро, сынок, скоро, – ответил Кирилл тихо.

За дверью спальни раздался крик младенца. Мужчины встали. Кирилл быстро направился к двери, за ним Стефан, на его лице, выражались одновременно и испуг, и любопытство. Отец Михаил подошёл к иконам, перекрестился и стал молиться. Кирилл и Стефан остановились перед дверью, прислушиваясь. Постепенно крик младенца затих. Дверь спальни открылась, и оттуда вышла пожилая служанка Марфа.

– Марии Бог дал сына, боярин. Всё, слава Богу, хорошо, теперь ей надо отдохнуть, – при этом она рукой преградила путь Кириллу, который порывался пройти в спальню.

Боярин послушно отступил назад, подошёл к иконам, опустился на колени и стал молиться:

– Господи! Благодарю за доброту Твою. Ты один, Всемогущий, даруешь нам жизнь и хранишь нас, грешных.

Стефан, стоя на коленях рядом с отцом, смотрел на него и повторял его слова и действия.

Окончив молитву, Кирилл снова стал ходить по горнице от окна к двери в спальню Марии. Энергичными действиями он старался унять нетерпение и волнение перед встречей со своим новорожденным сыном. Стефан молча сидел на скамье у окна и внимательно смотрел на отца. Он ещё не понимал волнения взрослых, но некоторое беспокойство передалось и ему. Отец Михаил продолжал молиться. Длилось это до тех пор, пока Марфа, наконец, позволила войти к Марии.

Кирилл тихонько приоткрыл дверь в спальню. Заглянув в неё, он замер в изумлении, ему показалось, что он всё это видит впервые. Через неплотно закрытые занавески в комнату светило солнце, лучи его отражались на чистом полу. Тишина и покой. На широкой кровати, на белых простынях, накрытая белым покрывалом, опираясь спиной на подушки, лежала Мария, молодая женщина лет двадцати пяти. Русые волосы, выбившись из-под белой косынки, обрамляли её красивое с тонкими чертами бледное лицо, голубые усталые глаза светилась радостью. Рядом со счастливой матерью на подушках, завернутый в пелёнки, лежал младенец. Личико у него сморщенное, глазки закрыты, он спал. Мария с улыбкой смотрела на мужа и сына.

Кирилл, боясь побеспокоить новорожденного, на цыпочках подошёл к кровати. Следом за отцом, тоже на цыпочках, прошёл Стефан. Кирилл осторожно поцеловал Марию.

– Как чувствуешь себя, солнышко моё?

– Слава Богу, всё хорошо, а это дитятко наше… Нравится он вам?

Душу Кирилла переполнила радость:

– Какой красавец, богатырь! Счастливишь ты меня детьми, дорогая моя, благодарю Бога за такой подарок.

Мария посмотрела на Стефана:

– А тебе, сынок?

– И мне нравится, красивенький такой, – с детской непосредственностью ответил Стефан и попытался поцеловать ребёнка.

Мария жестом остановила его:

– Пока не надо его трогать, пусть он спит.

В спальню вошла Марфа:

– Боярин, матушке отдохнуть надобно, больно устала она.

– Спасибо тебе, Марфуша, – ответил Кирилл, не скрывая радости.

Марфа улыбнулась:

– А мне за что, боярин? Ты боярыне да себе скажи спасибо за такое прекрасное дитя.

– Ведь ты у нас с женой главная помощница. Трудно было бы ей без твоих забот.

Кирилл наклонился к Марии, ещё раз поцеловал её:

– Отдыхай, радость моя, мы помолимся за вас обоих. Пойдём, сынок.

Стефан тоже поцеловал Марию:

– Я рад, что братик родился, буду его любить и оберегать. Отдыхай, матушка.

– Идите, идите, – с улыбкой ответила Мария.

Кирилл и Стефан на цыпочках тихо вышли из спальни.

В горнице отец Михаил продолжал молиться.

– Тятя, я побегу расскажу на дворе про братика, – с нетерпением сказал Стефан и побежал к выходу.

– Иди, сынок, – вдогонку ему ответил Кирилл ласково.

Прервав молитву, отец Михаил повернулся. Кирилл

попытался что-то сказать, но отец Михаил, увидев радость в его глазах, жестом остановил его.

– Можешь ничего не говорить, сын мой, вижу сам, что радость великая сошла на дом сей. Возблагодарим Господа Бога нашего за благодать, ниспосланную на семейство ваше, – отец Михаил перекрестился. – Пойду в храм, помолюсь за здоровье новорожденного младенца и матери его Марии.

– Господи! Спасибо Тебе за милость Твою и за то, что не оставляешь нас, грешных, – Кирилл перекрестился и с поклоном обратился к отцу Михаилу:

– Отче, милостиво прошу почтить нас сегодня вечером своим присутствием. Все вместе поблагодарим Бога за сию новую милость, явленную нам.

– Благодарствую, боярин, за приглашение. Бог вам в помощь, – с поклоном ответил отец Михаил.

Кирилл проводил его до двери, выглянул на галерею и громко позвал:

– Агафья, покличь Козьму.

В горницу вошёл управляющий хозяйством Козьма, широкоплечий, невысокого роста мужчина средних лет.

– Козьма, – обратился к нему Кирилл, – сегодня вечером придут родные и знакомые разделить с нами радость по случаю рождения нового члена семьи нашей. Вели приготовить стол для нас и ещё стол для прислуги и дворовых. Поселянам раздайте угощения, ведь радость-то какая – сын родился!

– Дай ему Бог здоровья. Не волнуйся, боярин, всё сделаем, – поклонившись, Козьма поспешно вышел.

Кирилл вернулся к иконам, опустился на колени и стал молиться.

Как было принято, на сороковой день после рождения Кирилл с ребёнком на руках, Мария, Стефан, Козьма, Марфа и трое родственников, все в праздничных одеждах, пришли в церковь. Деревенская улица, окрестные луга и дубрава были покрыты яркой зеленью, радостно светило солнце. На пороге церкви счастливых родителей встретил отец Михаил. Пришедшие поклонились ему, и Кирилл торжественно произнёс:

– Вот, отче, принесли мы младенца нашего, чтобы совершить над ним святое крещение и представить дитя в непорочную жертву Богу, Который дал его.

– Хорошо, дети мои, всё готово, войдите в храм Божий, – позвал отец Михаил.

Кирилл с ребёнком на руках, за ним Мария, Стефан, Марфа, Козьма и родственники торжественно двинулись за священником.

Сельская церковь, украшенная берёзовыми ветками, выглядела празднично. Сквозь окна проникал солнечный свет. На гладких стенах висели иконы, перед ними горели лампадки и свечи в кованых подсвечниках. Священник и все собравшиеся подошли к купели. Отец Михаил, совершая обряд крещения, прочитал молитву, затем, держа младенца на руках, произнёс:

– Крещается раб Божий Варфоломей во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Троекратно погрузив младенца в купель, завернул его в белое покрывало, передал Козьме и возложил на младенца крест:

– И сказал Спаситель: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой и по Мне грядет».

Всё время, пока в церкви совершалось таинство крещения, младенец молчал, вёл себя спокойно и улыбался.

Закончился обряд крещения. Крёстный отец Козьма передал младенца Марии и направился к выходу из церкви. Все двинулись следом. Отстав от остальных, Кирилл и Мария подошли к отцу Михаилу. Немного волнуясь, Мария обратилась к нему:

– Батюшка, имя Варфоломей по самому значению своему – Сын радости – особенно утешительно для нас, родителей.

– Младенец ваш наречён именем сим, – с почтением ответил священник, – в память святого апостола Варфоломея, одного из преданнейших учеников Христа.

– Однако, отче, мы сильно беспокоимся и просим тебя пояснить случай, бывший со мной в церкви, – продолжила Мария.

– О чём молвишь, дочь моя? – со вниманием спросил отец Михаил.

– Однажды, когда младенец был ещё у меня во чреве, – сказала Мария дрожащим голосом, – я тихо стояла в притворе вместе с прочими жёнами. Когда началась Божественная Литургия, перед чтением святого Евангелия, младенец вдруг вскрикнул, да так, что многие обратили на то внимание. А на пении Херувимской песни младенец вскрикнул в другой раз. Когда возгласили «Святое – святым!», младенец вскрикнул третий раз. Тогда я от страха едва не упала и заплакала.

Мария приложила платок к глазам.

– Не волнуйся, радость моя, всё уже позади, – Кирилл погладил жену по плечу и продолжил, обращаясь к отцу Михаилу: – Окружили её женщины и, желая успокоить, стали спрашивать, где у неё младенец. Но Мария, обливаясь слезами, едва вымолвила, что дитя ещё во чреве. Тогда женщины оставили её в покое, не переставая удивляться этому необыкновенному случаю. Прошу тебя, отче, как сведущий в Священном Писании, просвети нас об этом событии.

Батюшка немного подумал, внимательно посмотрел на Марию и тихо, стараясь успокоить взволнованных родителей, ответил:

– Чудо сие я помню, дети мои; есть много примеров из Ветхого и Нового заветов, когда избранники Божии ещё от чрева матери были предназначены на служение Богу.

Кирилл и Мария с тревогой и вниманием слушали.

Отец Михаил продолжил:

– Достойно удивления, что младенец, будучи во чреве матери, вскрикнул именно в церкви, в месте чистом и светлом, где пребывают святыни Господни и совершаются священнодействия. Сие есть знамение, что и сам он будет совершенною святынею Господа в страхе Божием. Вскрикнул он при народе как бы для того, чтобы многие его услышали и сделались свидетелями сего обстоятельства.

Замечательно и то, что прокричал он не тихо, но на всю церковь, как бы давая понять, что по всей земле распространится слава о нём. И возгласил он во время молитвы, распознав наиболее важные моменты в богослужении, тем приобщаясь к ним и указывая на то, что он будет крепким молитвенником перед Богом. Достойно замечания также и то, что возгласил он именно трижды, являя тем, что он будет истинным учеником Святой Троицы, единосущной во едином Божестве.

– Боже Праведный! За что же с нами это случилось, – тихо вымолвила Мария и смахнула слезу.

– Успокойся, боярыня-матушка, такова воля Господня. Такому детищу, которое по устроению Божию должно будет впоследствии послужить духовной пользе и спасению многих, подобает иметь родителей святых, дабы доброе произошло от доброго и лучшее приложилось к лучшему, дабы взаимно умножилась похвала и рождённого и самих родивших во славу Божию.

Кирилл и Мария, потрясённые словами священника, некоторое время молчали, пытаясь осознать смысл сказанного. Наконец, немного придя в себя, Мария с трепетом в голосе спросила:

– Отче, мы всегда были преданы воле Божией и внимательны к путям провидения. Перед святыми иконами даём обещание, – Мария повернулась к иконам и перекрестилась, – посвятим мы сына нашего на служение Богу, и сделаем для того всё, что в наших силах, сохранил бы только Господь его в добром здравии.

– Помоги нам Господи, – крестясь, добавил Кирилл, – но скажи, отче, что нам теперь делать?

– Не смущайтесь, дети мои, примите сию милость Господа нашего, – ответил ласково отец Михаил, – воспитывайте дитя сообразно с указаниями его промысла, а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия. Господи, благослови дитя и его родителей, – отец Михаил перекрестил Кирилла и Марию, – идите с миром.

Младенец Варфоломей подрастал, не доставляя особых хлопот родителям, только иногда его поведение было непонятным Марии и вызывало беспокойство.

Однажды в ноябре месяце в середине дня Мария в своей спальне сидела на краю кровати с ребёнком на руках. Сквозь прикрытые занавески в комнату проникал осенний солнечный свет. Встревоженная мать безуспешно пыталась кормить грудью ребёнка и тихим голосом упрашивала его:

– Сыночек, миленький, ну поешь хоть немножечко, ведь ты совсем голодненький. Не расстраивай свою матушку.

Уговоры на ребёнка не действовали, он отворачивался и упорно не желал брать грудь.

– Ну, что мне с тобой делать, уж не захворал ли ты? – вздохнула Мария.

Вошла Марфа. Мария печально посмотрела на неё:

– Марфа, измучилась я, дитятко опять грудь не берёт. Вчера хорошо ел, а сегодня отказывается. Может, заболел? Что же мне делать-то? Уж не первый раз. Я ведь просила тебя позвать знахарку.

– Баба Нюха обещала быть, боярыня. Схожу, узнаю, не пришла ли, – ответила Марфа и вышла из спальни.

Мария упорно пыталась дать грудь младенцу, но безуспешно. Вернулась Марфа:

– Боярыня, пришёл отец Михаил. И баба Нюха тут.

– Пусть войдут, – Мария прикрыла грудь.

В спальню вошёл отец Михаил, перекрестился на иконы, поклонился Марии:

– День добрый, боярыня. Все ль в добром здравии?

– Благодарствую, батюшка, Бог милостив. Проходи, присядь, – ответила Мария.

В комнату вошла Марфа и вслед за ней баба Нюха, седая сгорбленная старушка небольшого роста.

– День добрый, матушка-боярыня, – тихо и ласково сказала старушка. – Зачем звала? Аль тревожит что тебя?

– День добрый, баба Нюха. Я, слава Богу, здорова, а вот дитя меня беспокоит, от сосцов отказывается.

– Сейчас, матушка, поглядим. Покажи-ка мне его. Аты, милая, открой занавески, – обратилась баба Нюха к Марфе, – пусть солнышко светит, от него младенцу, да и нам радость.

Мария положила дитя на кровать и распеленала его. Старушка внимательно осмотрела и ощупала мальчика. Он лежал спокойно, молчал, только играл ручками и ножками. Старушка улыбнулась ему и спокойно и уверенно молвила:

– Матушка, нет на ребёночке никакой хвори, ни сверху, ни внутри. Мальчонка твой здоровёшенький. Может, ты нездорова? Аль вкушала чего, что дитя не приемлет?

– Я, баба Нюха, слава Богу, чувствую себя в добром здравии, – ответила Мария, пеленая сына. – Только вот заметила я, что дитя не берёт сосца, когда я вкусила мясной пищи. И уж без всякой причины по средам и пятницам, так что в эти дни младенец остаётся вовсе без пищи.

– И давно так?

– Да уж не раз и не два, а постоянно. Я очень беспокоюсь, думаю, что дитя нездорово.

– Здорово дитя, матушка, слава Богу, здорово, – сказала старушка и посмотрела на отца Михаила.

– Помнится, матушка-боярыня, – тихо сказал священник, – ты говорила, что, когда носила дитя, то блюла себя в строгом посте и сердечной молитве. Так сей младенец от чрева матери познавал Бога. Теперь он в пеленах поучается истине, с самой колыбели привыкает к посту и вместе с молоком матери навыкает воздержанию.

Мария взглянула на батюшку, немного помолчала, вспоминая и сопоставляя свои действия с его словами. Поняв свои ошибки, она ответила:

– Благодарствую, отче, я всё поняла, буду и далее соблюдать пост. Однако я всё равно беспокоюсь, ибо, когда я пыталась отдать младенца нашей кормилице, дитятко тоже не взяло её сосцов. Было то и с другими кормилицами.

– Мудрость веков говорит нам, что добрая отрасль доброго корня питается только чистым молоком родившей его, – спокойно и назидательно продолжил священник. – С молоком родной любящей матери в младенца вливаются его будущие склонности и нравы. Для чего же Творец естества наполняет молоком сосцы матери, если не для того, чтобы приготовить в них для младенца питательную пищу?

– Отче, но ведь есть матери, которые отдают своих младенцев кормилице, – заметила Мария.

– Святой Златоуст говорит нам: «Бывают матери, которые своих детей отдают кормилицам. Христос не попустил сего. Он питает нас собственным телом и наполняет собственной кровью». Матери, не почитающие заповедей святых отцов наших, не считают важным делом кормить дитя своей грудью, однако это весьма прискорбно, чужое молоко не так полезно младенцу, как молоко родившей его. Дитя, вскормленное чужим молоком, не будет иметь к матери такой любви и привязанности, которую имеют дети, вскормленные её собственным молоком.

– Благодарю, батюшка, вразумил ты меня, неразумную.

– Бог тебе в помощь, матушка-боярыня. Всё будет хорошо. Храни вас Господь. Пойду я.

– Спаси Бог, батюшка, – ответила Мария и поклонилась.

Отец Михаил перекрестился на иконы и тихо вышел из спальни.

– Спасибо и тебе, баба Нюха, успокоила ты меня, добрая ты. Могу ли я что для тебя сделать?

– Благодарствую, матушка, за доброту твою. Что мне старой надо, всё есть. Я тоже пойду, – ответила старушка и тихонько вышла.

Мария взяла на руки младенца и стала его баюкать.

Год 1326

Школа. Трудности в учении. Встреча со старцем и его пророчество. Постижение грамоты.

Наши благочестивые предки всегда смотрели на обучение грамоте, как на дело священное: грамота приучала человека к чтению и уразумению Божественных Писаний. Обучение грамоте сыновья боярина Кирилла вместе с другими детьми их поселения проходили в школе грамотности, учреждённой попечением Ростовского Епископа. Размещалась она в бревенчатом доме в три окошка, который ставили всем миром ещё лет тридцать назад. Школьный двор был обнесён невысокой изгородью. У калитки росли берёзы, в их ещё зелёной листве кое-где уже проглядывали золотистые листья: наступала осень. Солнечные лучи согревали меньше, дни становились короче.

Под окнами школы весело и шумно играли дети разного возраста от пяти до двенадцати лет. Во двор вошли сыновья боярина Кирилла. Первым выступал двенадцатилетний Стефан, высокий белокурый мальчик, следом – светловолосый шестилетний Пётр, позади всех, понурив золотистую головку, нехотя двигался семилетний Варфоломей.

Стефан остановился, подождал брата и толкнул его в спину:

– Иди, иди, не отставай!

Варфоломей дёрнулся, отстраняя руку Стефана, и произнёс угрюмо:

– Не хочу идти в школу.

– Иди, иди, а то мамка и тятя сердиться будут, грамоту обязательно знать надо, – строго сказал Стефан и подошёл к шумной ватаге ребят.

Подошёл к ним и Пётр. Варфоломей остался стоять у калитки, глядя с тоской на улицу.

Из дверей школы вышел сухонький, с чёрной реденькой бородкой учитель-дьячок, весело глянул на своих галдящих питомцев:

– Отроки, пора на урок, – тихим, но твёрдым голосом изрёк наставник.

Дети нехотя прекратили игру и отправились за учителем. Последним плёлся Варфоломей.

В классе висел щит для письма мелом, сколоченный из гладко струганных досок и выкрашенный луковым отваром. Через три небольших окошка в помещение проникали солнечные лучи уходящего лета. У стены, за которой находилась комната учителя, выделялась большая печь.

Шумной толпой дети ввалились в класс, расселись парами на скамейках лицом к доске. У каждой пары была книга с рукописным текстом.

Учитель обратился к классу:

– Продолжим, отроки, читать Псалтирь. Откройте псалом шестьдесят восьмой.

Дети неспешно, бережно, боясь повредить драгоценные листы, стали искать нужные страницы.

– Все нашли? – учитель оглядел учеников. – Никодим, читай, а вы все смотрите в книгу, повторяйте вслух и запоминайте.

Никодим, мальчик лет десяти, бойко начал:

– «Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать, вошёл во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня».

Все хором повторяли за ним.

– Довольно, сын мой, похвально усердие твоё. Прохор, читай далее.

Восьмилетний Прохор продолжил чтение:

– «Я изнемог от воля…».

– Прохор, не пропускай буквы, – спокойно заметил учитель.

– «…от вопля, – поправился Прохор, – засохла гортань моя; истолились…».

Наставник взял тонкий прутик, подошёл к съёжившемуся Прохору и резко, но осторожно ударил его по бедру, стараясь при этом не задеть соседа.

– Ой! – пискнул Прохор и почесал ушибленное место.

– Читай внимательно, лучше медленно, но правильно, – спокойно сказал учитель.

– «…истомились глаза мои от ожидания Бога моего», – продолжил Прохор медленно и правильно.

– Хорошо, довольно. Посмотрим, чему научился Пётр, читай.

Пётр произносил текст медленно, по слогам, без ошибок:

– «Ненавидящих меня без вины больше, нежели волос на голове моей: враги мои, преследующие меня несправедливо, усилились; чего я не отнимал, то должен отдать…».

– Молодец, – прервал его учитель и внимательно посмотрел на Варфоломея. – Теперь Варфоломей покажет нам, как он освоил грамоту.

Варфоломей начал медленно, заикаясь и часто ошибаясь, читать:

– «Боже! Ты знаешь безумие моё, и грехи мои не скрыты от Тебя. Да не постыдятся во мне все надеющиеся на Тебя, Господи Боже сил…».

Слушая его, учитель всё более хмурился и наконец прервал, говоря печальным тоном:

– Варфоломей, брат твой Пётр младше тебя, а читает лучше, чем ты. Что ж так плохо у тебя грамота идёт? Отстал ты от братьев, чем премного огорчаешь родителей своих. Когда ты начнёшь учиться?

– Я стараюсь, учитель, только грамота мне не даётся, – еле слышно проговорил Варфоломей. – Наверное, маленьким легче учиться.

Дети дружно засмеялись. Варфоломей сидел с унылым видом, низко опустив голову.

– Дети, тихо, – строго сказал учитель, – нельзя смеяться над товарищем. Варфоломей – упорный мальчик, и он добьётся своего, будет лучшим учеником в школе. Теперь скажите мне, как вы поняли прочитанное.

Руку поднял мальчик постарше:

– Учитель, я не понимаю слова «воды дошли до души». Он что, тонет?

– «Воды» означает здесь обилие бедствий, «до души» – значит «жизни». Бедствия Давида так многочисленны, что угрожают его жизни.

– Учитель, а можно мне спросить? – нетерпеливо протянул руку соседний мальчик.

– Спроси, – сказал учитель.

– А как это можно – отдать то, чего не отнимал?

– Это значит, что приходится отвечать за то, чего не делал. Настоятельность и неусыпность своей молитвы к Богу Давид оправдывает горячим исповеданием перед Ним своей невинности и тяжести бедствия. «Ведь Ты, Господи, знаешь всё моё поведение и мои грехи, знаешь поэтому, как незаслуженно то, что я терплю». Сие вам понятно?

– Понятно, – ответил хор голосов.

– Читаем далее, – учитель перевернул страницу и продолжил занятия.

Уроки длились ещё часа два с небольшими перерывами. В конце занятий учитель, как всегда, дал ученикам очередное наставление:

– Дети, мы с вами учили Заповеди Господа нашего Иисуса Христа, и мы ещё много раз будем к ним возвращаться. Вы все должны их хорошо помнить и всегда исполнять. Сегодня я расскажу вам ещё одну мудрость, которой всегда надлежит следовать. Взята она из одной старинной византийской книги, написанной на греческом языке. Там сказано: никогда не желайте и не ищите мщения; всегда будьте готовы помочь брату в опасности, даже рискуя собственной жизнью; уважайте своих родителей выше всего; уважайте старость и защищайте тех, кто слабее вас. Твёрдо запомните это, дети.

Увидев, что дети устали, учитель отпустил их. Радуясь вольной жизни, мальчики дружной ватагой выскочили из школы и побежали по домам. Улица огласилась их звонким смехом и боевыми возгласами, которые постепенно затихали. Вскоре дети, как горох на столе, рассыпались по своим дворам, весёлый гомон стих, на улицу вернулся обычный сельский покой.

Когда Варфоломей входил к себе во двор, вид у него был угрюмый, голова опущена. Увидев его, работник, чинивший телегу, видимо, желая развеять грустные мысли ребёнка, с улыбкой спросил:

– Как дела в школе?

Варфоломей, не ответив на вопрос, махнул рукой и пошёл к лестнице на галерею.

– Понятно. Не унывай, всё пройдёт, – сказал ему вслед работник.

Пройдя по галерее, Варфоломей осторожно приоткрыл слегка скрипнувшую дверь и крадучись вошёл в горницу. Мария сидела у окна, что-то шила и тихо напевала. Выглядела она моложе своих тридцати двух лет: на лице здоровый румянец, светлые волосы, собранные в косу, тщательно уложены венцом на голове. Мельком взглянув на сына, она тихо спросила:

– Ты один? А где братья?

– Они с ребятами на улице в бабки играют, – так же тихо ответил Варфоломей.

– Что ж ты не остался с ними?

– Не хочу я.

Мария, прервав шитье, пристально посмотрела на сына:

– А что ты, сынок, такой грустный, опять в школе нелады?

– Матушка, я так стараюсь, но ничего у меня не получается, – еле сдерживая слёзы, ответил Варфоломей и выбежал из горницы в невысокую дверь, за которой находилась домашняя моленная комната с небольшим иконостасом, перед которым висела лампада и стоял аналой из чистого светлого дерева. На боковой стене напротив окна помещались несколько полок с книгами в кожаных и деревянных переплётах.

Войдя в моленную, Варфоломей сел в дальнем углу. Некоторое время он тихо плакал, затем поднялся, подошёл к иконостасу и стал молиться сквозь слёзы:

– Господи, почему я такой неспособный? Я очень, очень хочу учиться, хочу уметь читать, как все ребята. Как же я без этого проживу? Дай мне, Господи, понять грамоту. Научи меня, Господи, просвети и вразуми!

Выплакавшись, он затих.

Тем временем в горницу вошёл Кирилл. Он возмужал, пополнел, выглядел бодрым и крепким для своих лет.

– Дети пришли? – спросил он, обнимая и целуя жену.

В ответ на его ласку Мария улыбнулась и, не желая расстраивать мужа, сказала равнодушным тоном:

– Стефан с Петром на улице играют, – затем, немного помолчав, как бы оправдывая сына, добавила: – Варфоломей в моленной. Не идёт у него учёба, сильно он огорчается из-за этого.

– Я говорил с учителем, он тоже печалится о том, что мальчик лишается великого дара Божия – учения книжного. Да, тяжело ребёнку, когда он всей душой желает учиться, но всё время сталкивается с непреодолимыми препятствиями.

Открылась дверь моленной, оттуда вышел Варфоломей. Кирилл увидел заплаканное лицо сына и ему до боли стало его жалко. Он обнял его, легонько прижал к себе и ласково сказал:

– Не печалься, сынок, придёт время, всему научишься с Божьей помощью.

– Батюшка, я так стараюсь, но ничего не выходит, – с отчаянием произнёс Варфоломей.

– Видимо, надо, чтобы ты ранним опытом понял, что никаких способностей, никакого знания, никакого успеха не должно приписывать себе, но единственно Богу, от которого свыше исходит всякий дар совершенный и всякое деяние благое.

– Я всё равно выучусь грамоте, правда, выучусь, – тихо и уверенно обещал Варфоломей.

– Всё преодолеют прилежание и труд, а наипаче желание и молитва, исходящая от чистого сердца. Усердно трудись, и Бог поможет тебе. Всё наладится, сынок.

Варфоломей поднял на отца заплаканное лицо, улыбнулся и подошёл к Марии. Она ласково обняла его.

– Пойду, посмотрю по хозяйству, – сказал Кирилл и вышел из горницы.

Была вторая половина дня, солнце уже клонилось к горизонту. Во дворе управляющий Козьма и трое работников выгружали из телеги мешки с зерном и носили их в амбар. Кирилл спустился по лестнице, отправился в конюшню. Вскоре вышел оттуда и спросил у Козьмы:

– Что-то я жеребят не вижу.

– На лугу пасутся. Сейчас пошлю за ними, – ответил управляющий, жестом подзывая к себе работника, вышедшего из амбара.

– Пусть люди работают, – остановил его Кирилл. – Лучше кликни мне Варфоломея, отправлю его за жеребятами, он любит бродить по лугам, да и отвлечётся малость, с учёбой у него опять нелады.

– У него всё впереди, боярин, он мальчик смышлёный и трудолюбивый, – уверенно сказал Козьма.

– Так-то оно так, да уж больно он переживает.

Козьма поднялся на галерею, постучал в дверь, вызывая Варфоломея, и уже вдвоём они спустились вниз.

– Сынок, пойди поищи жеребят, да пригони их домой, – предложил мальчику отец.

– Бегу, – с радостью ответил Варфоломей и скрылся за воротами.

Выйдя на улицу, он направился к дубраве, неподалёку от которой на лугу обычно паслись жеребята. На краю усадьбы он увидел мальчишек, игравших в бабки. Среди них были Стефан и Пётр. Старший брат окликнул его, приглашая принять участие в забаве, но Варфоломей, опустив голову, молча прошёл мимо. Стефан безнадёжно махнул рукой и продолжил игру.

Обогнув забор усадьбы, Варфоломей вышел на луг. Лицо его повеселело, он с интересом смотрел по сторонам, любовался деревьями, на которых уже понемногу начали желтеть листья. Прошёл через скошенный луг, мимо берёзок, стоявших хороводами, поднялся на пригорок, на вершине которого рос лиственный лес. Он шёл к большому раскидистому дубу на краю леса. Этому дубу, наверное, было уж лет сто, может быть, больше. Мальчик любил прислониться к нему и слушать ласковый шелест листьев, смотреть на расстилающиеся впереди луга, перелески, речку с её крутыми поворотами, на своё село с маленькими домиками и возвышающейся над ними церковью. Любил смотреть на небо и думать, как прекрасен и многообразен мир, сотворённый Богом, и как должен быть велик и мудр Творец, создавший такую красоту. Когда он так размышлял, покой приходил в его душу.

Варфоломей миновал берёзовую рощу и увидел, что у его дуба стоит старец-черноризец, саном пресвитер, и молится перед иконой, прикреплённой к стволу дерева. Раньше Варфоломей не видал здесь этой иконы, и старца он тоже не встречал. Поклонившись черноризцу, который мельком взглянул на него, перекрестившись на икону, Варфоломей остановился недалеко в сторонке и стал с почтением ждать. Закончив молитву, старец повернулся к Варфоломею и ласково сказал:

– Подойди ко мне, дитя. Спаси и сохрани тебя Господь, – и поцеловал подошедшего к нему мальчика в макушку. – Что тебе надобно, чадо?

– Ищу я жеребят, отче, – ответил робко Варфоломей.

– А что печален так?

Мучительные переживания из-за трудностей в учёбе, покинувшие Варфоломея за время прогулки, снова вернулись к нему. На его глазах появились слёзы. Опустив взор, он тихо ответил:

– А печаль моя, отче святый, оттого, что более всего желаю я читать слово Божие, но, сколько ни стараюсь, никак не могу выучиться. – Варфоломей смахнул рукавом слезу и стал умолять старца: – Помолись за меня Богу, отче святый, попроси у Господа, чтобы он открыл мне учение книжное. Я верю, что Бог примет твои молитвы.

– Вижу я усердие твоё и любуюсь красотой твоей детской души, отрок. Помолюсь за тебя Богу, испрошу тебе просвещения свыше, – ласково сказал старец, повернулся к иконе, вздохнул и стал молиться.

Варфоломей стоял рядом и молился, как умел, своей детской чистой молитвой. От внимания мальчика не ускользнуло, что старец молился неслышно, едва шевеля губами, и закончил свою молитву словом «аминь».

Тогда Варфоломей учтиво обратился к нему:

– Отче святый, дозволь спросить тебя.

– Спроси, – разрешил старец.

– А почему ты молишься совсем беззвучно, разве так Господь услышит твою молитву?

– Знай, дитя, Господь слышит не звуки слов, а смысл молитвы, исходящей из глубин души, от искреннего и преданного Ему сердца.

– А мне как молиться, отче?

– В Священном Писании сказано: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе. А молясь, не говори лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны; не уподобляйся им; ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него». Только крепко помни, чадо, никогда не проси Господа о том, что может быть бедствием для многих и не проси о пользе для одного, если это приведёт к потерям для других.

Сказав это, старец достал из-за пазухи небольшой ковчежец, открыл его, бережно вынул оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры и, благословляя ею отрока, промолвил:

– Возьми сие, чадо, и снеждь. Сие даётся тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала, зато велика сладость вкушения от неё.

Варфоломей принял дар, с благоговением вкусил святого хлеба и спросил:

– Не об этом ли сказано в псалмах: «Как сладки гортани моей слова Твои! Лучше мёда устам моим. Повелениями Твоими я вразумлён; потому ненавижу всякий путь лжи. Слово Твоё – светильник ноге моей и свет стезе моей».

– Зрю я, дитя, ты псалмы знаешь, – старец внимательно посмотрел на Варфоломея.

– Я много псалмов наизусть заучил со слов своих родителей и часто повторяю их, когда один гуляю по полям и лугам, – бесхитростно ответил ребёнок.

– Если веруешь, чадо, больше сих узришь. А о грамоте не скорби: ведай, что отныне Господь даст тебе разумение книжное. Теперь пора мне.

Варфоломей стал просить старца:

– Не уходи, отче святый. Посети дом родителей моих, они очень любят таких, как ты! Не лиши же и их своего святого благословения.

– Спасибо, дитя, – ласково сказал старец и погладил Варфоломея по головке. – Должны быть счастливы родители, которых Бог благословил таким сыном! Идём с Богом.

– Пойдём, отче, – обрадовался Варфоломей и пошёл в сторону села.

Старец с улыбкой последовал за ним. По дороге мальчик увидел трёх стреноженных жеребят, пасущихся на лугу.

– Вон жеребята наши, – радостно крикнул он и побежал вперёд, чтобы погнать их к дому. Старец продолжал идти размеренно, ласково наблюдая за отроком.

Увидев брата с незнакомым старцем, Стефан и Пётр прекратили игру и направились вместе с Варфоломеем к своему дому. Через открытые ворота братья загнали жеребят во двор. Работник распутал их и завёл в конюшню.

Услышав шум во дворе, на галерею вышел Кирилл, спустился по лестнице, подошёл к черноризцу и поклонился ему:

– Милости просим в наш дом, отче.

– Благодарствую, боярин, мир дому вашему, – ответил с поклоном гость.

Кирилл и старец поднялись наверх. Следом, не скрывая любопытства, спешили Стефан, Варфоломей и Пётр.

В горнице их встретила Мария.

– День добрый, боярыня, – тихо произнёс старец, поклонившись. – Отрок ваш пригласил меня. Святое он дитя. Поистине такие дети есть Божий дар; они не только в себе самих носят благословение небесное, но и собирают его отовсюду, чтобы привлечь на дом родителей.

Мария поклонилась в ответ:

– Старец-инок всегда желанный гость в нашем доме.

– Благослови, Господи, дом сей, дай долгих лет жизни его хозяевам, спаси их и сохрани, – старец перекрестился.

– Благодарим тебя, отче. Радушно просим отведать нашего угощения, чем Бог послал.

– Благодарствую, – гость помедлил, – но прежде следует вкусить пищи духовной.

– Проследуем, отче, в моленную нашу.

Кирилл жестом пригласил старца и сам вошёл за ним, а следом и Мария с детьми.

В моленной гость перекрестился на иконы, прочитал краткую молитву, снял с полки книгу, открыл её и положил на аналой. Подозвал Варфоломея:

– Прочти, дитя, псалмы.

– Нет, отче, не могу я читать, не получится у меня, – ответил Варфоломей дрожащим голосом.

– Читай, отрок, слово Божие без сомнения, – ласково, но твёрдо произнёс старец.

Варфоломей посмотрел на него умоляющим взглядом:

– Благослови меня, отче.

– Благословляю тебя, сын мой, – произнёс тот и осенил Варфоломея крестным знамением.

Мальчик перекрестился и начал читать. Неожиданно для себя он произносил слова чётко и внятно:

– Псалом пятый. «Услышь, Господи, слова мои, уразумей помышления мои. Внемли гласу вопля моего, Царь мой и Бог мой! ибо я к Тебе молюсь. Господи! рано услышь голос мой, – рано предстану пред Тобою и буду ожидать, ибо Ты Бог, нелюбящий беззакония; у Тебя не водворится злой; нечестивые не пребудут пред очами Твоими. Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие. Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь. А я, по множеству милости Твоей, войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоём. Господи! путеводи меня в правде Твоей, ради врагов моих; уровняй предо мною путь Твой».

На лицах всех присутствующих выразилось крайнее изумление. Счастливые Кирилл и Мария посмотрели друг на друга. Дети молча открыли рты от удивления.

Старец положил руку на плечо Варфоломея:

– Довольно, дитя. Вспомним слова пророка: «Тако глаголет Господь: се словеса Моя во уста твоя». О грамоте более не скорби. Отныне Господь даст тебе разумение книжное паче братьев твоих и товарищей, так что и других учить будешь.

Мария всплеснула руками:

– Чудо-то какое! Слава тебе, Господи! Благодарим сердечно тебя, отче святый, – она перекрестилась и вытерла мокрые глаза.

Обращаясь к детям, старец произнёс:

– Дети мои, по своему интересу, способностям и желаниям своим выберите себе цель в жизни и просите Господа нашего о помощи. Своим упорным трудом и молитвой, с Божией помощью обязательно добьётесь успеха. Святой апостол Иаков учит нас: «Если же у кого из вас недостаёт мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упрёков, – и даётся ему. Но да просит с верою, нимало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не твёрд во всех путях своих». Однако, дети, когда будете о чём просить Господа, помните и другую заповедь апостола: «Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений». Посему, дети, не просите всякого богатства только для себя, не становитесь рабами богатства. В Евангелии от Матфея сказано: «Не можете служить Богу и маммоне». Ибо кто раб богатства, оберегает богатства, как раб; а кто сверг с себя рабское иго, тот распоряжается богатством как господин. Всегда следуйте сим заповедям апостолов Христовых, будьте щедрыми и справедливыми.

– А что есть маммона? – робко спросил Варфоломей.

– Маммона есть неправедное богатство, – ответил старец, – в учении нашем сказано, что мамона есть, иже есть мытарь и хищник и обидчик, яко поядающа домы вдовича и сирых не по правде, но насилием.

Кирилл незаметно смахнул слезу. Заметив это, старец тихо произнёс:

– Пора мне, – и направился к выходу.

Когда все вошли в горницу, Кирилл сказал детям:

– Идите, погуляйте, – затем обратился к гостю: – Отче, сердечно просим тебя вкусить трапезу нашу.

Дети с нетерпением выбежали из горницы. Ещё с крыльца Стефан с восторгом крикнул:

– Козьма, вот чудо, Варфоломей складно читал Псалтирь. Он почти совсем не умел, а теперь читает так быстро, что заслушаешься!

– Вот радость какая всем нам. А ты, Варфоломей, небось, больше всех рад? – весело спросил Козьма.

– Я рад, дядя Козьма, рад, а ещё более родители рады.

– Слава Тебе, Господи, – тихо промолвил Козьма и перекрестился.

– Пойдём на улицу и всем расскажем, – крикнул Стефан и первый выскочил за ворота. Варфоломей и Пётр побежали за ним.

Между тем Кирилл, старец и Мария по внутренней лестнице спустились в трапезную. Здесь возле стены, как монумент, стояла русская печь, неизменная принадлежность каждого дома. Она всегда обогревала, кормила и лечила русского человека. А в особо морозные зимы, при недостатке дров для бани, в такой печке мылись. Постелив в топку на горячие камни солому, заползали в печь, взяв с собой таз с водой. Вход в топку снаружи иногда закрывали, и любитель мыться парился в печке в полной темноте, почти лежа; в больших печах можно было даже сидеть. Кто не наловчился, мог обжечься о горячие камни, если случайно раздви-

гал солому, или о горячий верх топки, рискуя при этом вымазаться сажей, которая толстым слоем покрывала свод.

Напротив печки у стены располагались полки для посуды, полностью завешанные и заставленные различным кухонным скарбом. В центре трапезной, как главный хозяин помещения, стоял массивный дубовый стол, вокруг которого были расставлены такие же массивные скамейки.

Помолившись, хозяева и гость сели за стол, накрытый белоснежной скатертью. Кушанья подавали две молодые служанки. Окончив трапезу, все встали. Старец, глядя на икону, прочитал благодарственную молитву. Все перекрестились и вышли из-за стола.

Старец поклонился хозяевам:

– Благодарю вас, люди добрые, дай вам Бог здоровья и радости. Пора мне.

– Не уходи так скоро, отче, – ответил ему Кирилл, в голосе которого слышалось огорчение: ему хотелось ещё побеседовать с прозорливым, какой уже понял, старцем. – Дозволь спросить, отче.

– Внимаю тебе, – старец внимательно посмотрел на Кирилла.

– Как имеющий опыт в духовной жизни, просвети нас, что думаешь о случае, который самою необычайностью своей заставил нас невольно задумываться над ним.

– Поведайте мне о том.

– Было то, отче, когда я носила Варфоломея во чреве своём, – со смущением сказала Мария. – Пришла я в церковь к Божественной литургии, и во время службы младенец, будучи во чреве, троекратно вскрикнул, да так, что многие его услыхали. К чему бы это, отче? Беспокоимся мы.

– О, добрые супруги, – улыбнулся старец, – то Господь удостоил вас Своей великой милости, дав вам такого сына. Зачем же вы страшитесь там, где нет никакого страха?

– Так что нам делать, отче? – спросил Кирилл.

– Вам должно радоваться, что Бог благословил вас таким дитём. Он избрал вашего сына ещё прежде его рождения. А что я говорю вам истину – вот вам знамение: с этой поры отрок будет хорошо понимать всю книжную мудрость и свободно читать Божественное Писание. Знайте, что велик будет сын ваш перед Богом и людьми за его добродетельную жизнь.

– Отче, но мы переживаем, как-то всё будет, – тихо молвила Мария.

– Зачем вам переживать, счастливы должны быть родители, коих имена прославляются вечно в их детях и потомстве. Счастливы и дети, которые не только не посрамили, но и приумножили, и возвеличили честь и благородство своих родителей и славных предков, ибо истинное благородство состоит в добродетели.

Мария, посмотрев на мужа, робко спросила:

– Отче, благодарим тебя, что вселяешь в нас покой и уверенность, но есть ещё кое-что непонятное в поведении сына нашего. В церкви во время службы он старается отойти в сторону от других, чтоб быть одному, и дома старается молиться в одиночестве.

– Пусть вас это не беспокоит, – ответил гость. – Молитвенный подвиг требует тишины и уединения, совершается в тайне, в удалении от мирской суеты. Сын ваш постиг истину сию.

– Слава тебе, Господи! – Кирилл и Мария перекрестились. – Спасибо тебе, отче, за столь добрую весть, – оба поклонились старцу.

– Спаси и сохрани вас Господь, – сказал тот в ответ, перекрестившись, поклонился и направился к выходу.

На пороге он задержался и, обращаясь к родителям Варфоломея, произнёс загадочные пророческие слова:

– Отрок будет некогда обителью Пресвятой Троицы, он многих приведёт за собою к уразумению Божественных заповедей.

Гостеприимные хозяева проводили старца до ворот. На улицу он вышел первым. Кирилл и Мария вышли следом, глянули по сторонам – старца нигде нет. Они с недоумением переглянулись, затем опять посмотрели по сторонам-никого!

– Уж не ангел ли Божий был послан к нам, чтобы даровать премудрость сыну нашему? – с удивлением в голосе спросила Мария.

– Сохраним в сердцах своих его таинственные слова, – тихо ответил Кирилл. – Пойдём в дом, дорогая, помолимся и возблагодарим Бога за доброту Его.

Они вернулись в дом. Войдя в горницу, увидели, что дверь в моленную приоткрыта. Заглянув в неё, Кирилл жестом подозвал Марию. Подойдя к двери, она замерла от восторга: на освещённом солнечным лучом аналое лежала раскрытая книга, за аналоем стоял Варфоломей и чётко, безошибочно читал:

– «Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим. Направь меня на истину Твою и научи меня, ибо Ты Бог спасения моего; на Тебя надеюсь всякий день».

– Что читаешь, сынок? – тихо спросил Кирилл.

– Псалом двадцать четвёртый, – с затаённой радостью ответил Варфоломей.

– Вижу, получается чтение, – Кирилл робко ступил в моленную.

Следом тихо, как будто боясь вспугнуть удачу, вошла Мария.

Кирилл взял с полки «Книгу Иова», открыл её, подал Варфоломею и неуверенно попросил:

– Попробуй почитать отсюда.

Варфоломей положил книгу на аналой и, ещё не веря в свои силы, начал читать:

– Глава двадцатая, стих семнадцатый. «Не видать ему ручьёв, рек, текущих мёдом и молоком! Нажитое трудом возвратит, не проглотит; по мере имения его будет и расплата его, а он не порадуется. – Варфоломей читал всё увереннее. – Ибо он угнетал, отсылал бедных, захватывал домы, которых не строил; не знал сытости во чреве своём и в жадности своей не щадил ничего. Ничего не спасалось от обжорства его, зато не устоит счастье его. В полноте изобилия будет тесно ему; всякая рука обиженного поднимется на него».

Боясь спугнуть свершившееся чудо, Кирилл осторожно прервал Варфоломея:

– Довольно, сынок. А понимаешь ли ты то, что прочитал?

– Не всё, батюшка, ведь я только учусь.

– Ничего, со временем всё станешь понимать. А написано тут, что нечестивый не может наслаждаться накопленными богатствами. Он не воспользуется нажитым, так как оно возвратится к своим первоначальным собственникам, – уйдёт на удовлетворение обиженных им лиц. Богатство не послужит источником радости. Причина этого в незаконном характере приобретения нечестивца. Богатство, созданное путём угнетения бедных, захвата чужой собственности, не знавшей предела жадности, не может быть прочным. Ненасытная жадность, обжорство не только не упрочит благосостояние нечестивца, но и увеличит количество бедствий, предстоящих с его утратою. Умножение благ сопровождается увеличением числа обиженных. И все они поднимут руки на своего прежнего притеснителя, отомстят ему неправды путём, может быть, насильственного отнятия имущества. Угнетавший других теперь сам испытает тяжесть притеснений. Так пища нечестивого сделается для него источником мучений. Это тебе понятно?

– Я понял, батюшка. Тот лихоимец, который угнетает бедных, наживает богатство, отнимая имущество у других, будет наказан теми, кого притеснял.

– То же сказано и в Притчах Соломоновых: «Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им».

– Я помню, когда матушка читала мне Евангелие, там было сказано, что удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие.

– Так, сынок.

– Получается, что богатый никогда не попадёт в Царствие Божие?

– Богатства, сынок, бывают разные и добываются разными путями. Есть богатство, которое создаётся трудом праведным и честным, служит оно для удовлетворения потребных нужд человека, для исправного служения князю и народу своему, для защиты Родины своей. А есть богатство, превосходящее всякие разумные пределы, употребляемое только для ненасытного обжорства владеющего им. Такое непомерное богатство создаётся путём безумного стяжательства и воровства. Прочитай ещё раз, как лихоимец добывал своё богатство.

Варфоломей поводил пальцем по странице, нашёл нужную фразу:

– Ибо он угнетал, отсылал бедных, захватывал домы, которых не строил; не знал сытости во чреве своём и в жадности своей не щадил ничего.

– Теперь понятно?

– Не совсем, батюшка. Получается, что все люди должны жить одинаково и не должно быть богатых, но ведь все люди разные.

– Сейчас я постараюсь объяснить тебе немного по-другому. Да, все люди разные и живут по-разному: у одного есть собственный дом каменный, разный инструмент, скотина, а у другого нет ничего. Всю свою собственность человек должен создавать своим разумом и своим трудом. Кто много трудится, тот много имеет. А другой целый день лежит на печи и мух считает, а потом жалуется, что у него ничего нет. Ты же знаешь, как в народе говорят: «Без труда не вынешь рыбку из пруда».

– Знаю. А если человек больной и не может трудиться, кто его кормит?

– Больным и немощным община и добрые люди помогают.

– А что князь, воеводы и бояре трудятся больше, чем землепашцы? Ведь землепашцы трудятся с рассвета до заката.

– У каждого человека своя работа, которая ценится по-разному, и у каждого есть свои разные обязанности. Крестьянин выращивает хлеб и делает другую работу, а князь смотрит за всей державой, ему помогают его люди – бояре и воеводы. Бояре смотрят за порядком и помогают князю в делах разных, воеводы держат войско и защищают народ наш от врагов иноземных. Держать власть тоже есть очень тяжёлая работа, это особое служение всему народу. За эту работу землепашец даёт князю от себя часть своего труда, а князь платит боярам и воеводам, чтобы им хватало для исполнения своего долга и на жизнь. Все должны трудиться и иметь обязанности перед другими. В Писании сказано: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут». Учись, сынок, постигай мудрость, данную нам Господом. Да хранит тебя Господь.

– Батюшка, я буду учиться с большой радостью и усердием.

– Счастье-то какое, слава Тебе, Господи, – вздохнула Мария и перекрестилась.

Кирилл бережно взял книгу с аналоя, закрыл её и поставил на прежнее место. Показывая рукой на полку, он медленно и назидательно произнёс:

– Здесь, сын, есть много такого, что тебе читать надо. В основном здесь разные богослужебные книги на церковнославянском языке, который вы учите в школе. Есть сочинения на старом славянском языке, на нём написаны древние памятники нашего народа и летописные сказания о минувших судьбах родной земли. Этот старый язык, близкий к церковнославянскому, ты сможешь осилить самостоятельно. Есть много книг на греческом языке, это божественные книги из Византии. Я научу вас со Стефаном читать и говорить по-гречески. Вот жития святых, вот святоотеческие писания, разные Палеи. Только нет здесь книг светского содержания, таких мы не держим. В наших книгах, сынок, ты найдёшь уроки благо-

честия, раскроется тебе чувство любви к Родине и готовность к служению земле Русской, к подвигам для угождения Богу.

Внимательно слушая отца, Варфоломей подошёл к полкам, бережно провёл рукой по корешкам книг.

– Читай, сын, – ласково сказал в завершение беседы Кирилл и вышел из моленной.

Год 1330

Поездка боярина Кирилла в Ростов. Беседа Варфоломея с матушкой о соблюдении поста. Пожар на селе. Решение ехать в Радонеж.

Село разрасталось, появлялись новые семьи, отселялись дети от родителей, приезжали переселенцы из других краёв. Рядом с усадьбой боярина Кирилла для Стефана с молодой женой построили новый дом с хозяйственными постройками. За церковью, ближе к лесу, совсем недавно появились ещё два новых дома, наполовину был собран сруб третьего, лежали брёвна, заготовленные для строительства следующего дома. Жизнь шла своим чередом.

Погода в тот год выдалась хорошая, благоприятная для урожая: зима снежная, весна прохладная, лето тёплое, иногда шли дожди, насыщая растения необходимой влагой. В конце лета установилась сухая, тёплая погода. При такой погоде хорошо собирать урожай, и работа в поле в основном была закончена. Наполнились закрома в амбарах, уложено в копны сено, поселяне собирали дары леса. Вечный страх перед голодной зимой отодвигался, на смену ему прибавлялась уверенность в завтрашнем дне, всё располагало к спокойной жизни.

В один из таких тёплых солнечных дней по сельской улице, поднимая пыль, проскакал всадник. У дома боярина он соскочил с коня. Неуверенно держась на ногах после долгого сидения в седле, придерживая саблю, гонец вошёл во двор. По его обветренному, загорелому лицу стекали капли пота, оставляя светлые дорожки. Плащ, кольчуга, шлем и вся одежда воина были покрыты дорожной пылью.

Оглядевшись и никого не увидев, гонец крикнул хриплым голосом:

– Эй, есть кто?

На окрик из конюшни вышел Козьма:

– Чего надобно, добрый человек?

– Где боярин? – нетерпеливо спросил гонец.

– Дома.

– Ему грамота от князя.

Козьма поднялся на галерею, постучал в дверь горницы. Вышел Кирилл, взгляд спокойный, движения уверенные. Ему уж исполнилось сорок шесть лет, а он был всё ещё крепок и энергичен, как в молодости. Козьма жестом показал на гостя и спустился по лестнице.

Кирилл подошёл к перилам:

– Кто такой? Что надобно?

– Тебе, боярин, грамота от князя, – ответил вестник, поклонившись, достал из сумы, висевшей на боку, грамоту и протянул ему.

Кирилл спустился во двор, взял грамоту. Заметив усталость на лице гостя, предложил:

– Вижу, ты притомился, отдохни, вкуси пищи с нами.

– Некогда, боярин, ехать надо, дело привычное, – бодро ответил воин.

– Козьма! – позвал Кирилл, – скажи, чтоб принесли служилому воды лицо омыть, кваса из погреба, да пусть соберут торбу с едой в дорогу.

Управляющий поспешил выполнять распоряжение, а хозяин принялся читать грамоту.

Служанка вынесла кружку квасу, полотенце и ведро с водой, полила служилому на руки. Гонец, фыркая от удовольствия, смыл пыль с лица, не отрываясь, выпил прохладный бодрящий хлебный квас, заправленный хреном, и со вздохом произнёс:

– Уфф! Благодать! Спаси вас Бог, люди добрые.

Козьма принёс торбу с едой и плоскую круглую баклажку с квасом, закупоренную деревянной пробкой.

Кирилл, дочитав грамоту, обратился к посланнику:

– Ну что ж, езжай, передай князю, что скоро буду. Да снедь возьми, в дороге пригодится. Храни тебя Господь.

Гонец взял торбу и баклажку, поклонился, вышел со двора и ускакал.

– Козьма, – позвал Кирилл, – поедешь со мной в Ростов. Пошли кого-нибудь за Никифором, Фомой и Ерофеем, они с нами едут, да коней приготовь, сборы не затягивайте. Отправимся завтра на рассвете. Позови мне Стефана.

Кирилл ушёл в дом. Козьма повернулся к конюшне и крикнул:

– Стефан, Митрофан, подь сюда!

Из конюшни вышел старший сын боярина Стефан. Он подрос, окреп и выглядел старше своих шестнадцати лет. За ним появился Митрофан – молодой работник, почти мальчишка.

– Стефан, иди, тебя отец зовёт, он в горнице. А ты, Митрофан, беги на луг да скажи Никифору, Фоме и Ерофею, пусть бросают работу и поспешают во двор.

На следующий день рано утром Кирилл в сопровождении своих дворовых уехал в Ростов.

Прошло уже несколько дней с отъезда боярина. Мария не любила долгих разлук с мужем, переживала за него и скучала о нём. Когда супруг уезжал по княжеским делам, она каждую свободную минуту садилась у окна, смотрела на дорогу, ведущую в село, и ждала его возвращения. Чтобы чем-то занять привыкшие к труду руки, она вышивала. Это было её любимое занятие, но в повседневных домашних хлопотах у неё редко выдавалась для него свободная минута. Вышивание успокаивало её и отвлекало от тревожных мыслей, которые посещали её всегда при отъезде мужа. Вот и сейчас, коротая время, Мария сидела у окна в горнице, освещённой солнцем, работала над платьем, стараясь закончить его к возвращению супруга.

Вошла Марфа:

– Боярыня, обед готов.

– Стефан с женой пришли? – спросила Мария, не отрывая взгляда от работы.

– Пришли.

– Иди, я сейчас буду.

Служанка тихо удалилась. Мария сделала несколько стежков, полюбовалась ещё незаконченным рисунком, положила платье на скамейку, посмотрела в окно на дорогу и вышла из горницы.

В трапезной, соблюдая установленный порядок, Мария села с длинной стороны стола. Справа от неё разместился одиннадцатилетний Варфоломей, слева – десятилетний Пётр. Напротив – Стефан и его жена Анна, красивая, крепко сложённая шестнадцатилетняя женщина со светлыми волосами, сплетёнными в косу, уложенную вкруг головы.

К обеду были наваристые щи, горячая, только что вынутая из печи, ещё дымящаяся каша, варёная рыба, разная зелень и хлеб. Все ели с аппетитом, только Варфоломей жевал один хлеб и запивал его водой. Стоявшие в стороне служанки, глядя на него, недоумённо переглядывались и пожимали плечами, но так, чтобы не заметила Мария. Однако она всё-таки уловила их взгляды и тихо произнесла:

– Варфоломей, ты опять ничего не ешь. Возьми вон рыбки, а не то каши. Не изнуряй себя излишним воздержанием.

– Не хочу я, матушка, – тихо ответил Варфоломей.

– Посмотри, никто в твоём возрасте не принимает так мало пищи, ни братья твои, ни товарищи, – продолжала Мария.

Все дети боярина Кирилла отличались высоким ростом и особой статью. За последний год Варфоломей заметно вытянулся, оттого худоба его, вызванная настойчивым воздержанием в еде, стала ещё заметнее.

Стефан с чувством превосходства посмотрел на Варфоломея, протянул служанке тарелку и сказал:

– Арина, добавь щец.

– И мне, – тут же вставил Пётр, глядя на Стефана.

Арина, молодая служанка, взяла обе протянутые ей тарелки, подошла к печи, налила из чугуна большой деревянной ложкой каждому щей и поставила на стол.

– Видишь, как братья твои едят досыта, – сказала Мария, глядя на Варфоломея и кивая головой на братьев, – а ты постоянно недоедаешь. Не изнуряй себя излишним воздержанием, чтобы тебе не заболеть от истощения сил, тогда и нам немалую скорбь причинишь. Перестань так делать, вкушай пищу, по крайней мере, вместе с нами.

– Матушка, – ответил твёрдым голосом Варфоломей, глядя на неё, – а как же старцы-отшельники держат пост при полном воздержании в среду и пятницу, а в остальные дни питаются только хлебом и водой? И я, матушка, желаю, как они, устремиться к Богу.

– Они старцы, сын мой, а ты-дитя малое, твоё тело ещё растёт и тебе такой пост не по силам, всякое добро хорошо в меру и в своё время, – Мария прекратила есть и с тревогой посмотрела на Варфоломея. – Отказ от пищи не приближает к Богу. В евангельском понимании тело есть вместилище души, и оно, прежде всего, должно быть здоровым. Держать не в меру и не по возрасту строгий пост

Сам Иисус Христос не проповедовал, и Сам того не делал. Апостолы тоже. Не должно безрассудно держать себя в скудости пищи и пития и делаться немощным для дел будущих.

Все внимательно прислушивались к словам матушки, и она продолжала ласковым, но внушительным тоном:

– Тебе, детка, нет ещё и двенадцати лет, тебе расти надо и тело укреплять. К тому же ты много сил тратишь, помогая нам дома и в поле. Тебе нужно крепкое здоровье, чтобы достойно пройти предначертанный путь, полный невзгод и лишений.

– Хорошо, матушка, – ответил Варфоломей покорно, глядя в глаза Марии, – не нарушу я заповеди о почитании и послушании родителей, выполню твоё желание. Но только дозволь мне по силе телесной воздерживаться не от пищи, а от переедания.

– Удивляюсь я разумным речам твоим, сынок. Поступай, как знаешь, Господь с тобою, я не хочу стеснять тебя в добром, дитя моё.

Все за столом замерли в ожидании.

– Ешьте, ешьте. Уж скоро к вечерне собираться, мы опоздать можем.

В церковь они поспели вовремя и отстояли всю службу. По окончании прихожане направились к выходу, среди них и Стефан с Анной. Мария задержалась в храме, перед иконой Богородицы склонила голову, шепча молитву. Перед иконой с ликом Христа молился Варфоломей.

Отец Михаил, проводив прихожан, оглядел храм, увидел Марию, подождал, когда она закончит молиться, подошёл к ней и тихо спросил:

– В добром ли ты здравии, боярыня?

Мария повернулась на голос, посмотрела на отца Михаила и так же тихо ответила:

– Благодарствую, батюшка, слава Богу, здорова.

– А пошто боярин не был на службе?

– Ныне он службу исполняет у князя Ростовского. На душе, батюшка, неспокойно, – в голосе Марии звучала тревога.

– Да-а. Времена ныне тревожные, князья всё никак меж собой не замирятся. Будем надеяться, что Господь защитит нас. Дай Бог боярину здоровья. Спаси его, Господи, и сохрани.

Отец Михаил и Мария перекрестились. Боярыня снова посмотрела на иконы, и ей вдруг показалось, что лики Христа и Богородицы ожили, и Они внимательно смотрят на неё и слушают. Мария вздрогнула от волнения и посмотрела на Варфоломея.

Отец Михаил заметил это.

– Вижу, боярыня, что Варфоломей всей душой полюбил богослужение церковное и не пропускает ни одной службы.

– Так, батюшка, ни одной службы не пропустил.

– Похвально сие и угодно Богу.

– Только, батюшка, ведёт он себя, не как все дети.

– А что тревожит тебя, боярыня?

– Уклоняется от детских игр, шуток, смеха, разговоров. Всё свободное от домашних работ время проводит в чтении книг. Беды свои и даже телесные страдания переносит с радостью, никогда ни на что не пожалуется.

– Что беды свои он переносит с радостью, должно вселять дух бодрости, а не уныния. А чтение житий святых и летописных сказаний о земле Русской, боярыня, занятие похвальное и богоугодное. В семействах, где дети воспитываются на чтении таких книг, встречаются примеры горячего детского благочестия, усердного стремления подражать подвигам святых отцов и героев земли нашей. В таком учении дитя черпает силу и крепость, в его душе слагаются светлые образы, которые сродняются с его юным сердцем и становятся для него на всю жизнь заветною святыней, к которой потом человек обращается даже в глубокой старости. И чем сильнее эти святые стремления в детстве, тем больше они потом освещают мрак жизни в сей юдоли земной. Так будет и с отроком вашим.

– Беспокоюсь я о его здоровье. Он ведь ещё ребёнок.

– О здоровье его, боярыня, не беспокойся, он у вас не слабее своих сверстников, а то и покрепче будет, а в духовном развитии превосходит многих.

Варфоломей, закончив молиться, подошёл к Марии и отцу Михаилу.

Мария поняла, что беседа закончилась.

– Благослови нас, батюшка, – обратилась она к священнику.

Получив благословение, они поклонились ему, целуя руку, и пошли к выходу из храма.

– Храни вас Бог, дети мои, – произнёс отец Михаил им вслед и направился к алтарю.

На склоне одного из последних сентябрьских дней, когда солнце ещё не опустилось за вершины сосен, по неширокой лесной дороге ехали всадники. Под плащами их блестели кольчуги, на головах красовались островерхие шлемы, все были вооружены. Всадники и кони устали, видимо, путь был долгий и нелёгкий. Впереди в дорогих доспехах ехал боярин Кирилл, за ним парами, чуть не задевая друг друга шпорами, следовали Козьма, Никифор, Фома и Ерофей.

Козьма подстегнул коня и поравнялся с боярином. Кирилл посмотрел на его уставшее лицо и бодрым голосом спросил:

– Что приуныл, Козьма? По дому скучаешь аль притомился?

– Есть, боярин, малость и то и другое. Долго уж мы в пути, и в Ростове были, и во Владимире. А как дома дела складываются-не ведаем, тревожно что-то на душе.

– Не кручинься, Бог даст, скоро уж на месте будем.

Некоторое время ехали молча, изредка поглядывая по

сторонам. Никифор, приподнявшись в седле, покрутил головой, принюхался и крикнул:

– Боярин!

– Что там? – спросил Кирилл, оглянувшись.

– Кажись, дымком потянуло, – крикнул Никифор.

Всадники стали принюхиваться, пытаясь определить, действительно ли пахнет дымом и с какой стороны.

– Да-а, кажись, от нас. Может, случилось что, – с тревогой в голосе молвил Козьма.

Кирилл приподнялся на стременах, тоже потянул носом воздух, оглядываясь по сторонам. Затем махнул рукой, призывая всадников следовать за собой, пришпорил коня и помчался вперёд. Все последовали за ним.

Выехав из леса, они увидели над пригорком со стороны села столб дыма, похожий на большое серое дерево. По мере приближения за столбом дыма показалась глава церкви с крестом, освещённым лучами заходящего солнца, а потом и всё село с горящими домами и суетящимися вокруг них людьми.

Горели три дома, стоявшие у реки особняком отдругих. Возле них суетились все жители села, большинство в прожжённой и почерневшей одежде. Слышались крики, плач и причитания. Мужики и бабы, выстроившись цепочкой до реки, передавали друг другу вёдра с водой. Трое крепких парней поочерёдно принимали их и выливали на догорающие дома. Несколько человек пытались растащить баграми горящие брёвна. Между взрослыми сновали подростки, среди них Варфоломей и Пётр. Те, кто постарше, таскали из реки воду. Командовал всеми Стефан. Одежда на нём местами прогорела, весь он был в саже, но голос звучал твёрдо, уверенно, как и подобает старшему сыну боярина.

В стороне кучками были свалены вещи, которые успели вынести из домов. Кое-где поверх них лежали иконы. Пробегая мимо с пустым ведром, Варфоломей заметил, что одна икона лежит на земле. Остановившись, поднял её, вытер рукавом, перекрестился, бережно положил поверх вещей и побежал к реке.

Подъехавшие всадники соскочили с коней, бросили поводья мальчишкам и кинулись помогать мужикам.

Кирилл, увидев Анну среди измученных и растрёпанных женщин, подошёл к ним и с тревогой спросил:

– Все целы, не погиб ли кто?

Женщины ответили наперебой:

– Слава Богу, боярин, никто не погиб, все целы.

– Скотину выгнать успели, только вот добро погибло.

– Как это случилось? – уже более спокойно спросил Кирилл.

– Да всё мальчишки с их шалостями. Зажгли костёр на сухой навозной куче за коровником, он и загорелся, а там и коровник запылал. Так и пошло.

– Хорошо другие дома в стороне, да и вся деревня собралась огонь тушить, а то беда большая могла быть.

– Горе-то какое, боярин. Где жить теперь?

Подошёл Стефан:

– Здравствуй, отец. Что делать будем?

– Огонь затихает, на другие дома уж не перекинется, – уверенно сказал Кирилл. – Ты иди домой, собирай вещи и перенесите их к нам. Поживёте у нас. Возьми с собой Анну, Варфоломея и Петра, пусть тебе помогут. Где Козьма?

Стефан посмотрел по сторонам, увидел управляющего, который багром растаскивал горящие брёвна, и крикнул:

– Козьма!

Тот оглянулся на крик. Стефан махнул ему рукой:

– Иди сюда!

Козьма отдал багор мужику, пошёл к Кириллу. Варфоломей и Пётр, увидев отца, подбежали к нему. Кирилл, обняв их, ласково сказал:

– Здравствуйте, дети. Вижу, вы не испугались и взрослым помогаете. Похвально.

– А как же, батюшка, все должны помогать друг другу, – уверенно ответил Варфоломей.

– Я тоже помогал, – поспешно вставил Пётр.

– Молодцы вы у меня.

Подошёл Козьма.

– Ты вот что, – обратился к нему Кирилл. – Возьми дворовых, и помогите Стефану перебраться к нам. Потом перенесите вещи погорельцев в его дом, отведите туда женщин и детей.

Между тем вокруг Кирилла собрались женщины из сгоревших домов. Некоторые из них вытирали слёзы на измазанных копотью лицах. Все они с надеждой смотрели на Кирилла, а у него сердце разрывалось при виде их горя.

– Собирайте вещи, берите детей, пока будете жить в доме Стефана. Потом решим, что дальше делать. В беде не оставим.

Женщины наперебой стали благодарить Кирилла.

– Идите, идите, – прервал он их. – А мужики пусть заливают головешки, не дай Бог, ветер поднимется, пламя раздует.

Кирилл посмотрел вокруг, увидел крепкого мужика средних лет и, подзывая его жестом, крикнул:

– Иван!

Закопчённый, с опалённой бородой мужик вытер рукавом нос:

– Чего, боярин?

– Ты присмотри, чтоб нигде не осталось ни огня, ни дыма. Женщин и детей отведём в дом Стефана, они там жить будут.

– Благодарствую, боярин, за заботу о детях да жёнках наших. Тут мы всё сделаем, не сомневайся.

Кирилл взял поводья у мальчика, державшего его коня, и направился к своему дому.

Умывшись и переодевшись в чистую одежду, Кирилл наскоро перекусил и вышел проверить, как идут дела с устройством погорельцев. С ним отправились Стефан и Варфоломей.

– Иди в церковь, проси отца Михаила прийти к нам, – сказал Кирилл Варфоломею.

Около дома Стефана стояли женщины. Они ещё не успели смыть с себя копоть и помыть детей, которые цеплялись за их подолы. Самых малых женщины держали на руках.

– Как устроились, все разместились? – спросил Кирилл.

Женщины поклонились Кириллу:

– Слава Богу, боярин, все устроились. Благодарствуем за доброту твою.

– Главное, все целы, и крыша есть над головой.

– Страшно в зиму без крова остаться.

– Не печальтесь, раз мужики целы, значит, новые дома поставим. Перезимуете здесь, пропитания хватит, зимней одеждой поможем. Козьма обо всём позаботится, – ответил Кирилл.

– Спасибо, боярин, спасибо. Дай Бог тебе здоровья, – заговорили все женщины разом.

Подошли отец Михаил, Козьма и Варфоломей.

– День добрый, отче, – хором сказали женщины и поклонились.

– Какой же он сегодня добрый? Спаси и сохрани вас Господь.

– Мы тут, отче, всё что могли, сделали для погорельцев. Женщины с детьми здесь жить будут, пропитания всем хватит. Мужиков селяне к себе на прожитьё возьмут, – сказал Кирилл.

– Слава Богу, всё устроилось, – отец Михаил перекрестился. – Господь отблагодарит тебя, боярин, за доброту твою и щедрость. Зачем звал?

– Пойдём, отче, ко мне в дом, потолковать надо. А ты, Козьма, посмотри у Стефана в закромах и выдай женщинам всё, что необходимо.

– Слушаюсь, боярин, всё сделаю, – ответил Козьма.

– Стефан, пойдёшь с нами, а ты, Варфоломей, если хочешь, можешь тут помочь.

– Я, отец, останусь помогать деткам маленьким, вон их сколько, мамам одним не управиться с ними, – ответил Варфоломей серьёзно.

Глядя на него, измученные женщины улыбнулись первый раз за этот тяжёлый день.

Кирилл обнял Варфоломея:

– Ну, давай трудись. Мы пошли, а ты как захочешь, приходи.

Когда Кирилл с отцом Михаилом и Стефаном вернулись в горницу, уже были сумерки. Из спальни вышла Мария с лучиной, зажгла свечи, стоявшие в кованых подсвечниках по углам горницы.

Отец Михаил перекрестился на иконы, поклонился:

– Здравствуй, боярыня. Бог в помощь! Как здоровье?

– Благодарствую, батюшка. Слава Богу, все здоровы, – ответила Мария с поклоном. – Только вот боярин привёз вести не радостные.

– Присядь, отче, – пригласил Кирилл. – Стефан, тоже сядь, ты уже достаточно взрослый, скоро меня заменишь, так что принимай участие в решении дел семейных.

Все сели на скамейки, стоявшие вдоль стен.

– Что случилось, боярин? Поведай нам, – спросил отец Михаил.

– Плохи дела, отче, – мрачно ответил Кирилл. – Прибыл в Ростов из Владимира воевода Василий с дружиной, начал бесчинствовать, притеснять жителей. Народ ропщет, волнуется.

– Да так и до кровопролития недалеко, – заметил священник. – А что князь ростовский Константин Васильевич?

В горницу вошёл Варфоломей.

– Раз пришёл, сынок, садись и слушай, – сказал Кирилл и продолжил. – Князь Константин не желает кровь русскую проливать, войны не хочет. Пытался он говорить с воеводою, да бесполезно. Тогда по наущению ростовского епископа Антония князь Константин отправился во Владимир к великому князю Ивану Даниловичу. С ним ехали епископ Антоний, тысяцкий Протасий, Фёдор Тормасов и я. Великий Князь принял нас любезно, говорили долго. Поведал он нам, что будет решительно продолжать дело деда своего Александра Невского по объединению всех земель русских под единой властью.

– Далече зрел Великий Князь, – вставил отец Михаил.

Кирилл кивнул и продолжал:

– Князь Константин поклялся Великому Князю служить верой и правдой и на том целовал крест в присутствии епископа. А чтоб скрепить союз, Великий Князь решил выдать дочь свою за князя Константина. Воеводу Василия Великий Князь приказал из Ростова отозвать.

– И что далее?

– Великий Князь, желая расширить свои владения, передал своему младшему сыну Андрею село Радонеж, что за Владимиром. По малолетству Андрея наместником в Радонеж поставлен Терентий Ртища. И предложил Великий Князь нам переехать в тот малонаселённый край, даёт земли хорошие. Наши земли здесь оставляет за нами. Так что надо решать. Что скажешь, отец Михаил?

– А кто ещё едет в Радонеж?

– Из Ростова едут Протасий тысяцкий, Георгий – сын Протопопова со своим родом, Иван и Фёдор Тормасовы и их родственники Дюденя и Онисим.

– Я так думаю, боярин, коль то на благо княжества нашего, надо ехать. Господь поможет.

– Отец, а куда ж мы поедем? – вмешался в разговор Стефан. – Там, поди, и жить-то негде.

Кирилл внимательно посмотрел на сына:

– Завтра я собираюсь ехать в Радонеж, ты отправишься со мной. С собой возьмём Ивана, всех погорельцев, да ещё мужиков человек пять. За семьи им волноваться не придётся, они пристроены и накормлены будут, так что мужики смогут работать спокойно. Надо будет лес валить да срубы готовить. А весной избы ставить будем да землю под пашню расчищать. Потом сами туда переедем и погорельцев перевезём.

– А что здесь будет? – с некоторым беспокойством спросил отец Михаил. – Хотел бы я на старости лет при своей церкви остаться.

– Кто не пожелает ехать с нами, останется здесь. Управляющим на этой земле Козьма будет.

Кирилл немного помолчал, давая собеседникам подумать. Посмотрел на жену. Лицо её было усталым и печальным. Кириллу захотелось обнять её и успокоить, и он тихо и ласково спросил:

– А что ты скажешь, Мария?

– Ох, Кириллушка, не знаю, что и сказать. Новое место всегда пугает. Ну да раз так надо, поедем. Надеюсь, что Господь не оставит нас.

– Господь поможет вам в делах ваших, – голос священника звучал всё более уверенно. – Во благо земли Русской совершается сие переселение. Буду молиться за вас. Теперь пойду я.

– И я пойду, – молвила тихо Мария.

Когда священник и Мария вышли, Стефан спросил:

– Отец, как же так получается: мы имеем здесь землю, дома, которые мы сами ставили, и теперь должны всё бросить, переселиться на пустое место и начинать всё сызнова? Так мы никогда не будем жить богато.

– Так надо, сынок, для блага княжества нашего. А живём мы в достатке и имеем всё, что нам необходимо: и кров и пищу и одежду.

– Отец, но ведь некоторые также служат князю, но при этом имеют больше, чем мы и много больше того, что им надо на исполнение долга и на жизнь, – продолжал спрашивать Стефан.

– То, что некоторые имеют много больше, чем им надо на исполнение долга и на жизнь, так это от лукавого, от их неуёмной жадности, воровства и мздоимства, от захвата чужого имущества, которое они сами не создавали и не строили.

– Выходит, батюшка, все большие богатства от воровства? – спросил робко Варфоломей.

– Выходит так, но знайте, дети: Господь запрещает присваивать незаработанные своим трудом деньги и имущество.

– Но как можно безнаказанно воровать? – продолжал любопытствовать Стефан.

– Есть много способов воровства. Вот, например, мастер придумал, как делать новую соху для обработки земли, сам построил мастерскую и стал выполнять заказы для землепашцев. Землепашцы стали заказывать мастеру новую соху, потому что с ней быстрее и лучше стали обрабатывать землю и получать больше хлеба. За новую соху землепашцы отдавали мастеру часть своих трудов, например, зерно или что другое. Если мастер один не справлялся с выполнением заказов, он приглашал себе помощников, а полученный прибыток делил между ними по справедливости и по трудам их. Все много трудились, выполняли много заказов и постепенно богатели. Землепашцы тоже богатели. Всем хорошо. А вот другой человек умел только обманывать и держать в руках плётку, да и ту он у кого-нибудь

украл. И вот этот ненасытный человек силой или обманом отобрал у мастера мастерскую, где тот делал свою соху, и заставил его и его помощников работать на себя. Сам этот злой вор только развлекался, сладко жил и продолжал воровать ещё больше, а чтоб мастер и его помощники лучше работали, хлестал их плёткой и присваивал себе всё, что они сделали. И за жадность свою и за воровство он будет наказан.

– Понятно, батюшка. А кто такой мздоимец? – спросил Стефан.

– Князь вознаграждает боярина, чтобы он хорошо работал. Но жадному боярину этого мало, и он начинает брать вознаграждение, то есть мзду ещё и с народа. Это то же самое, что воровать. Понятно?

– Понятно, батюшка.

– Вам, дети, следует понять и другое: Христос не богатство порицает, но тех, которые пристрастились к нему. Если трудно войти в Царствие Небесное богатому, то что сказать о любостяжателе? Дело не в богатстве, а в отношении людей богатых ко Христу и Евангелию. Опыт показывает, что многие богатые бывают более истинными христианами, чем бедные. Сейчас я ещё раз объясню вам некоторые вещи.

– Внимаем, батюшка, – тихо молвил Варфоломей.

– Вот человек зарабатывает богатство своим умом и трудолюбием, данными ему Господом. Тратит заработанное для себя только на самое необходимое, без излишеств. А что есть сверх того, выполняя заповедь Божию «друг друга тяготы носите, не о себе только каждый заботится, но каждый и о других», тратит на процветание и защиту Родины своей, на помощь другим людям, особенно сиротам, болящим и нуждающимся. Такое богатство Христос не порицает. Но есть и другие люди, которые добывают богатство разными нечестивыми путями: мздоимством, обманом, воровством, и тратят его только на себя, на свои непомерные соблазны, удовольствия и развлечения – вот такое богатство Христос порицает…

– Вразумели, батюшка, – почти хором ответили дети.

– Есть и такие, которые не признают учение Христа, тратят силы и жизнь свою только на то, чтобы любыми неправедными путями, как то сказано в «Книге Иова», не щадя ничего в своей жадности, тратят свои силы и свою жизнь только на то, чтобы богатеть и через то управлять другими людьми, заставлять их работать на себя, отнимая у них всё сделанное ими – это дети сатаны, они бегут за ним и исполняют волю его. По слову Евангельскому: «По делам их узнаете их» – это сыны зла.

– Батюшка, но иногда про человека, который добывает богатство воровством, говорят, что он умный, потому и богатеет? – спросил Варфоломей.

– Господь даёт ум человеку, чтобы он пользовался им во благо всех людей. Апостол учит нас: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Надо любить ближних так, чтобы помогать им трудом и умом своим, а если надо, и жизнь свою положить за них. А если человек тратит богатство только на свои ненасытные желания и удовольствия, то дела такого человека исходят не от ума, данного Господом. Таких людей ведёт дьявол и учит их воровать у других людей. Человек сам выбирает, как ему жить и какое учение исполнять. Учитесь, дети мои, постигайте всю мудрость, данную нам Господом нашим. Да хранит вас Господь. – Кирилл немного помолчал и закончил: – Вот всё, что я хотел вам сказать, теперь мне надо отдохнуть.

– Отдыхай, батюшка, а мы пойдём, – сказал Стефан.

Дети пошли к выходу, Кирилл перекрестил их вслед.

Год 1338

Радонеж. Варфоломей просит родителей благословить его на иночество. Переселение родителей в Хотьков монастырь. Похороны Анны. Стефан уходит в монастырь.

Радонеж

Заканчивалась восьмая весна, как боярин Кирилл со всей своей семьёй жил в Радонеже – небольшом селе, в котором было примерно две дюжины домов, сложенных из толстых сосновых брёвен. В центре села стояла деревянная церковь Рождества Христова, недалеко от неё находилась усадьба Кирилла – два одноэтажных дома в одном дворе. В одной половине длинного деревянного дома с двумя входами проживал Кирилл с Марией и Варфоломеем, в другой – Пётр с семьёй. Дом поменьше занимала семья Стефана. За домами у дальнего забора разместились хозяйственные постройки. Просторный двор был вымощен тёсом.

За последние годы Варфоломей заметно подрос и окреп. В свои девятнадцать лет он ростом догнал отца, раздался в плечах и возмужал. Поступь его была полна скромности и целомудрия; никто не видел его смеющимся, если и появлялась иногда улыбка на его прекрасном лице, то и она была сдержанна, а чаще лицо его было задумчиво и серьёзно. Всегда тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, он со всеми был ласков и обходителен, ни на кого не раздражался, от всех с любовью принимал случайные неприятности. Одевался он просто и скромно, а если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою одежду.

Все дни он проводил в трудах: помогал родителям по хозяйству дома, работал в поле, не жалея своих молодых сил, трудился в поте лица, выполняя самую тяжёлую работу. Так, укрощая юную плоть свою воздержанием и трудами для сохранения чистоты душевной и телесной, он ни в чём не выходил из воли своих родителей: как кроткий и послушный сын, он был истинным утешением для них. Каждую свободную минуту он посвящал молитве и чтению книг. Черпая из них уроки мудрости духовной, он старался прилагать их к своей жизни. Варфоломей скоро понял, что ещё в отроческом возрасте страсти и пороки начинают проявлять свою губительную силу, и немало труда требуется, чтобы сдержать их. Благоразумный юноша уразумел, что стоит только раз поддаться в юности их влечению и позволить им связать себя порочными склонностями, тогда в дальнейшем и подавно тяжело преодолеть их. Восприняв это, он прилагал все усилия, чтобы оградить себя от воздействия страстей и пресекать все пути, которыми они обычно проникают к сердцу человека. Он уклонялся от игр, бесполезных занятий и пустословия, помня, что со строптивыми легко можно и самому развратиться. Уже давно он наложил на себя строгий пост: по средам и пятницам не вкушал ничего, а в прочие дни питался в меру, о каких-нибудь сладких напитках, не говоря уже о вине, он не позволял себе и помыслить. Всю свою жизнь он следовал мудрому наставлению святителя Василия Великого: «аще хочеши внити в рай, воздержи чрево, бежи пьянства».

Варфоломей сознавал, что воздерживать себя во всём есть лучшее средство сдерживать страсти, а незатемнённый страстями дух и неомрачённая ими мысль всегда бывают свободнее к восприятию благодати Божией и достижению цели своей жизни.

В один из тёплых солнечных дней Варфоломей возвращался от реки с коромыслом на плечах, на котором висели большие деревянные наполненные до краёв вёдра. Они мерно раскачивались в такт его шагов, вода в них так же ритмично колыхалась, иногда выплескиваясь на яркую зелень травы. Войдя во двор, Варфоломей опустил ношу у дверей Стефана. В этот момент дверь отворилась. Щурясь от яркого солнца, на порог выскочили две молодые

работницы с вёдрами и тряпками. Их мокрые руки были открыты до плеч, подолы длинных юбок, заткнутые за пояс, обнажали чуть выше колен стройные крепкие ноги. Весёлые лица покрывал румянец, видимо, работа им была не в тягость и доставляла удовольствие. Увидев Варфоломея, они засмеялись, и одна из них игриво обратилась к нему:

– Быстро ты ходишь, Варфоломей, уж третий раз за водой сбегал. Мы не успеваем за тобой.

Варфоломей ничего не ответил и стоял неподвижно, опустив взгляд.

Молодушки легкой походкой, почти бегом зашли за сарай, выплеснули из вёдер грязную воду и вернулись к порогу.

– Отдохни немного, дай и нам отдохнуть, – улыбаясь, добавила самая бойкая.

Варфоломей молча, не глядя на девушек, вылил воду из одного ведра в освободившиеся вёдра. Продолжая весело смеяться, работницы подхватили их и ушли домывать полы.

Варфоломей перекрестился и, оставив второе полное ведро на пороге, тихой ровной походкой, не поднимая головы, не отрывая взгляда от настила и шепча молитву, пошёл в ту часть дома, где жили родители.

В горницу Варфоломей вошёл тихо и бесшумно, как это делал только он. За большим массивным столом, ещё заставленным посудой после утренней трапезы, на такой же массивной скамейке сидел отец. Мария убирала со стола, временами вздыхая и держась за поясницу. Подойдя к матери, Варфоломей слегка дотронулся до её плеча и тихо сказал:

– Отдохни, матушка, я сам всё уберу.

Мария улыбнулась в ответ, её радовала ненавязчивая забота сына. Спокойно и незаметно он успевал делать всё, что могло хотя бы немного облегчить жизнь не по годам состарившихся родителей.

Варфоломей неспешно, но споро собрал со стола посуду и понёс на кухню. Мария вытерла стол и тоже вышла из горницы.

Кирилл тяжело поднялся, взял с полки книгу и устроился на лавке, углубившись в чтение.

Вернувшись в горницу, Варфоломей подошёл к окну, остановился, задумчиво глядя на церковь, залитую солнечным светом, на лик Христа над входом.

Вошла Мария, села рядом с мужем, с нежностью посмотрела на Варфоломея, застывшего у окна, спросила:

– О чем задумался, сынок? Опять о сути всего земного?

– Да, матушка, мысли разные терзают меня, – немного повернувшись в сторону родителей и не отрывая взгляда от окна, тихо ответил Варфоломей. – Вот мир и всё, что в нём, создано Богом для блага людей; но всё это человеческими страстями, насилиями, неправдами до того извращено, что жизнь человеческая не представляет ничего, кроме труда и болезней. И желающему в кротости духа устроить своё спасение со всех сторон встречаются препятствия и соблазны.

– Что поделаешь, сын мой, жизнь так устроена, – оторвав взгляд от книги, произнёс Кирилл.

– Но всё это тяжко мне, – грустно продолжил Варфоломей.

– Сходи, сынок, в церковь, помолись, полегче будет, – предложила Мария.

– Ты права, матушка, спасибо тебе, – тихо ответил Варфоломей и вышел из горницы.

Во дворе Стефан и Пётр поправляли ворота. Семилетний сын Стефана Климент суетился подле них, пытаясь помогать. Возле дома Стефана на скамейке, прислонившись спиной к стене, сидела Анна. Ей исполнилось всего двадцать три года, но на бледном лице не осталось прежней радости и румянца, в глазах поселились боль и усталость. Она медленно качала новорождённого сына Иоанна. Рядом сидела жена Петра, Екатерина, семнадцатилетняя красавица, полноватая, с длинной косой, спускающейся на грудь. На руках она держала

годовалую дочку Марию и пыталась с ней говорить. Девочка в ответ только улыбалась и что-то лепетала по-своему.

– Давайте пособлю, – предложил Варфоломей, подходя к братьям.

– Спасибо, братец, сами сладим, – ответил Стефан. – Лучше отдохни, выглядишь неважно. Много ты взвалил на себя, взяв весь уход за родителями и хозяйством.

– Варфоломей, может, прийти помочь чем? – участливо спросила Екатерина.

– Благодарствую, не надо, я справляюсь.

– Напрасно ты отказываешься от помощи, – заметил Пётр.

– Труд сей мне в радость, – ответил Варфоломей, – желания и нужды родителей для меня святы. А ежели нужда какая будет или сил моих не хватит, я призову вас. Выполняйте исправно долг свой перед князем и семьями своими, а о родителях не беспокойтесь. Я свой долг выполню.

Варфоломей слегка кивнул братьям и вышел за ворота.

Войдя в церковь, Варфоломей как всегда хотел встать в сторонке и совершить тихую молитву. В церкви прихожан в это время не было, у входа священник беседовал с каким-то почтенным старцем. Увидев Варфоломея, он жестом подозвал его и представил собеседнику:

– Сын это почтенного боярина Кирилла, удивительный юноша, полюбил Господа с детства раннего. Весьма старателен, свободное от трудов время проводит в молитвах, желает избрать путь жизни иноческой, – затем, обращаясь к Варфоломею, добавил: – Вот отец Митрофан, игумен монастыря в Хотькове, это ближайшая обитель от Радонежа, может Господь приведёт и тебя в ней бывать.

– Благодарствую, отче, за слова добрые, – ответил Варфоломей с поклоном. – Не вижу я для себя другой жизни кроме иноческой, готов хоть сей час просить игумена принять меня в обитель.

– На то, сын мой, – ответил игумен Митрофан, – надобно тебе благословение родителей твоих.

– О том я буду просить их.

– Но смогут ли они теперь благословить тебя? Родители твои преклонного возраста, помощь им требуется, не огорчишь ли ты их своей просьбой? В Евангелии от Матфея сказано «почитай отца и мать; и люби ближнего твоего, как самого себя». Что это значит? При соблюдении как других заповедей, так и этой, много разного. Можно любить ближнего, как самого себя, и ограничиваться только бесполезною для него и недеятельною любовью. Можно любить делом, но не словом. Можно, наконец, любить ближних так, чтобы положить за них жизнь свою. Решай сам, сын мой. Да хранит тебя Господь.

Игумен Митрофан осенил крестным знамением склонённую голову отрока. Перекрестившись, Варфоломей поцеловал руку игумена, отошёл в сторону и долго молился перед иконой Христа.

Так Варфоломей впервые встретился с настоятелем Покровского монастыря игуменом Митрофаном, ставшим его наставником в самые трудные первые годы жизни в дикой пустыне.

Иногда в жизни бывают события, которые многим кажутся случайными. На самом деле эти случайности, непознанные человеком, устанавливаются промыслом Божьим.

Прошло несколько дней. Вернувшись с полевых работ, Варфоломей помог работникам убрать инвентарь, подмести двор и пошёл в горницу к родителям. Кирилл сидел у окна и читал. В последнее время сил заметно поубавилось, и он большую часть времени проводил за чтением старинных святоотеческих книг. Мария кроила платье, разложив на столе льняное полотно.

Когда вошёл Варфоломей, Кирилл прервал чтение и спросил:

– Как дела, сынок, сев закончили?

– Ещё нет, отец, завтра, пожалуй, кончим.

– Ты присядь, притомился чай, отдохни немного. Сейчас я всё уберу и ужинать будем, – обратилась к сыну Мария.

Кирилл, внимательно наблюдавший за сыном, заметил в нём некоторое беспокойство и спросил:

– Что опечален, аль в поле что неладно?

– В поле всё хорошо. Душа моя в смятении. Давно хотел просить вас об одном деле для меня важном, но боюсь огорчить вас.

– Как же теперь быть, сынок? Лучше скажи, а мы постараемся понять тебя, – в голосе Марии звучала тревога.

– Прошу вас, отец, матушка, – произнёс Варфоломей умоляющим голосом, – благословите меня избрать путь иноческой жизни. Отпустите меня с благословением в монастырь.

Кирилл отложил в сторону книгу, встал, подошёл к Марии и, положив ей руку на плечо, сказал тихо, но убедительно:

– Помедли, сынок, сам видишь, мы стали стары и немощны, послужить нам некому, кроме тебя. У братьев твоих немало забот о своих семьях да служба у князя. Мы радуемся, что ты печёшься, как угодить Господу Богу, это дело хорошее, но верь, сын мой, твоя благая часть не отнимется у тебя.

– Сынок, – просящим голосом печально добавила Мария, – ты послужи нам ещё немного, пока Бог явит милость свою над нами и возьмёт нас отсюда. Вот проводите нас в могилу, тогда и уйдёшь в монастырь.

– Мы, сынок, не хотим погасить в тебе Божественное желание, не принуждаем связать себя с суетою мира узами брачными, как делают многие родители, – Кирилл говорил тихо, скорее просил, чем наставлял. – Мы только указываем тебе на свои нужды и немощи, а более всего даём тебе случай ещё испытать себя и укрепиться в святом намерении, дабы ты, возложив руку на рало, уже не озирался вспять.

Жалость и тоска охватили Варфоломея, когда он посмотрел на родителей. Как они постарели! Отец для своих пятидесяти четырех лет и матушка, которой недавно исполнилось сорок четыре года, выглядели гораздо старше своего возраста. Трудные последние годы прибавили им седых волос и болезней, отложили на их внешности свой суровый отпечаток. Тяжесть легла на сердце юноши, он понял несвоевременность и безжалостность своей просьбы, вспомнил напутствие игумена Митрофана.

Подойдя к родителям, поклонился им и сказал:

– Повинуюсь вам, родители мои святые. Следуя учению Христа о единстве любви к Богу и любви к ближнему, приложу всё своё старание, чтобы угодить вам и не огорчать вашу старость.

Ещё раз поклонившись родителям, Варфоломей предложил матушке помочь собрать ужин. Когда Мария с сыном вышли из горницы, Кирилл опустился на колена перед иконами и стал благодарить Всесильного Бога:

– Благодарю Тебя, Господи, что дал нам такого сына и помог нам воспитать его. Благодарю, что вразумил его не следовать примеру своевольных детей века сего, из коих многие, даже в обыкновенных мирских делах, не хотят покорить воли своей воле родителей и ни во что ставят их нужды и желания. Господи, видим мы, что сын наш знает достоинство того чего желает, однако, взирая на заповедь Божию «чти отца и матерь», соглашается до времени томить себя неисполнением своего заветного желания, дабы сохранить повиновение нам и через то получить наше благословение. Господи, до последнего своего воздыхания будем от всего сердца благословлять послушного сына нашего святыми своими благословениями на беззаветное служения Тебе. Спаси, Господи, и помилуй благоразумного сыночка нашего, помоги ему в делах праведных.

Наступил октябрь. Погода стояла пасмурная, солнечные лучи не могли пробиться сквозь низко ползущие облака, часто моросил дождь. Природа прощалась с летом. На деревьях с каждым днём появлялось всё больше жёлтых листьев. Они падали на землю под тяжестью дождя. Перелётные птицы улетали в тёплые края.

Выглянув из дверей церкви и увидев, что дождь прекратился, Варфоломей вышел на порог, повернулся лицом к образу Христа над входом, перекрестился, поклонился и направился к дому. Он уже вошёл во двор, когда дождь заморосил снова. В приоткрытые двери хозяйственной постройки видны были дремлющие кони и коровы, в дальнем углу двора мокли под дождём зимний возок и телега. Только шуршание дождя нарушало тишину.

Из дверей своего дома вышел Стефан и направился к родителям, следом зашёл Варфоломей.

В окна спальни проникал слабый свет, в углу перед иконами теплилась лампада, в подсвечнике у стены между окнами горели свечи. На постели, прикрытый одеялом, лежал Кирилл. Возле него хлопотала Мария, Пётр помогал ей. Войдя, Стефан и Варфоломей перекрестились и подошли к отцу.

– Как чувствуешь себя, отец? – наклонившись, спросил Стефан.

Варфоломей стоял рядом, склонив голову.

– Спасибо, сынок, – тихим голосом ответил Кирилл. – Прошли наши годы, здоровье уходит. Вставать всё труднее

стало. Но пока ещё могу сам ходить. Сядьте, дети мои, поговорить надо. Есть к вам просьба наша.

Братья разместились на скамейке у стены, Мария присела на кровать у ног мужа.

Кирилл внимательно посмотрел на сыновей, вздохнул и тихо произнёс:

– В конце своей многоскорбной жизни решили мы с вашей матушкой по благочестивому обычаю древности воспринять на себя ангельской образ и направить свои стопы в монастырь.

– Отец, матушка, ведь вас тут любят, берегут, ни в чём не отказывают. Аль мы чем обидели вас? – спросил взволнованно Стефан.

– Что вы, сыночки, – поторопилась сказать Мария, затем уже спокойнее продолжала, – ни в чём вы нам не отказываете, со вниманием и уважением относитесь. Большая вам благодарность от нас с отцом. Но надо нам и о душах своих подумать, покаяться перед Богом. А для этого монастырь более подходящее место, чем дом наш. Да и тебе, Стефан, облегчение будет, больше поможешь Анне, ведь хворает она.

– Тут верстах в четырёх от Радонежа, – вздохнув, продолжил Кирилл, – в Хотькове Покровский монастырь, в нём есть отделение для старцев и другое для стариц. Прошу тебя, Стефан, возьми на себя наше переселение в эту обитель, чтобы там мы провели остаток дней своих в покаянии и приготовлении к вечной жизни.

Пётр всхлипнул и провёл рукавом по глазам. Варфоломей сидел, склонив голову.

Поскольку обращение родителей было направлено непосредственно ему, как старшему, Стефан уверенным тоном сказал:

– Не беспокойся, отец, и ты, матушка, печаль великая ложится на нас при мысли о расставании с вами, но мы покорны воле вашей и выполним ваши пожелания. Завтра же мы с Петром поедем в Хотьково и обратимся с нижайшей просьбой к настоятелю монастыря.

– Спаси вас Бог, дети. Безграничны доброта и внимание ваши. Спаси вас Бог, – со слезами на глазах благодарила Мария любимых чад, в душе прощаясь с ними.

– Любимые дети, – промолвил Кирилл, – внимательно послушайте и примите наш совет вам на долгую жизнь. Следуйте заветам Господа нашего, любите и уважайте всех людей, живущих вокруг вас. Помогайте друг другу, не жалея сил своих. Избегайте собла-

нов разных, которые окружают вас явно и тайно, ибо скрытно разложены по земле силки и западни на пути человека. Берегите чистоту души. Следуйте учению Священного Писания: «берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения». Не гонитесь за богатством, чрезмерное богатство не приносит счастья. Правдой и верой служите Родине своей и князю нашему и тогда получите необходимое для жизни богатство, которое назначается человеку как награда за труды его, за служение Родине и народу своему.

Стефан робко спросил:

– Отец, но как мы будем жить здесь без вас? Что будет с землёй, с домами, хозяйством, чьё всё это будет, кто будет всем управлять? Я думаю, земля, на которой мы трудимся, должна принадлежать нам – твоим детям?

– Нет, дети мои. Вся земля, все леса на ней, реки и всё, что есть на земле, в лесах и в воде, всё это создано Господом для всех людей, всё это в нашем княжестве общее, принадлежит всему нашему народу и не может принадлежать отдельным людям.

– Но, отец, – продолжал Стефан. – Если Господь создал землю для всех людей, то почему же Он не раздал землю каждому, живущему на ней, в собственность?

– Земля, дети мои, принадлежит только Господу. Она не бесконечна и имеет свои границы, она вечна, а люди на ней временные создания. Люди рождаются, множатся, живут, переселяются, приходят и уходят, и все они должны трудиться и добывать хлеб свой в поте лица своего, пока не уйдут в другой мир, кто в Царствие Небесное, кто в иной мир, смотря по трудам и заслугам своим при жизни. От рождения все люди на земле равны, потому Господь дал им всем равное право пользоваться землёй для их благополучной жизни. В нашем княжестве Господь повелел управлять землёй нашему Великому Князю. Великий Князь должен выделить землю каждому человеку, чтобы он мог работать на ней и тем существовать. Чтобы обеспечить землёй каждого живущего сегодня и будущих жителей княжества, по воле Господа князь даёт землю каждому только на время, пока человек трудится на ней, служит Родине своей, живёт сам и помогает жить другим. Если князь раздаст землю живущим сегодня в собственность, то для будущих поколений земли не останется, она вся будет принадлежать отдельным людям или их наследникам, и тогда будущие поколения, не имея земли, превратятся в рабов этих землевладельцев.

– А если человек не может трудиться сам? – поинтересовался Варфоломей.

– Или не желает трудиться и служить князю, – поддержал вопрос Стефан, – не имеет наследников, которые могут его заменить на службе. Что тогда?

Немного помолчав, Кирилл ответил:

– Если человек не может трудиться сам, ему община и добрые люди помогают. Бывает и так: человек не служит нашему князю, не использует выделенную ему землю на благо всего народа нашего, а обманом и силой понуждает людей наших трудиться только на него, присваивает их труд и употребляет богатство только для своего ненасытного обжорства и развлечений. Тогда князь передаст выделенную ему землю тому, кто служит нашей Родине и нашему народу, а наворованное плохим человеком богатство потребует вернуть тому, у кого он украл. Но есть у нас и такие, которые добывают богатство в нашем княжестве на земле нашей общей, не зная предела жадности, угнетают людей наших, как рабов, а сами увозят созданное нашими людьми богатство в другое княжество, и там строят себе хоромы белокаменные и развлекаются в своё удовольствие. Но там их непременно заставляют служить иноземному князю и используют их против нас, нашего народа, нашего княжества.

– А если человек наворовал у нашего народа и уехал служить иноземному князю, что с ним может сделать наш князь? – не унимался Стефан.

– Если человек угнетает наш народ, захватывает наши общие земли в собственность и использует эти земли только для добывания себе богатства – это значит, им управляет дьявол. Такой человек – вор, он нарушает заповеди Господа и предаёт народ наш. Тогда наш

князь просто обязан сурово наказать такого человека, взять у него всё, что он наворовал в нашем княжестве, вернуть это тому, у кого он воровал и кого угнетал, а выделенную ему землю передать тому, кто верой и правдой служит нашей Родине и нашему народу. А после этого заставить такого вора навсегда уехать из нашего княжества туда, где, по его мнению, жить лучше, чем в нашем княжестве среди нашего народа. И пусть он там служит своему новому князю и там ворует, если ему позволят.

Слушая отца, Варфоломей неожиданно вспомнил, как в детстве после встречи со старцем он впервые начал свободно читать – это была «Книга Иова». Вспомнив, как отец давал ему пояснение к прочитанному, Варфоломей вступил в разговор:

– Про злодеев и мздоимцев в «Книге Иова» сказано: «Ничего не спасалось от обжорства его, зато не устоит счастье его. В полноте изобилия будет тесно ему; всякая рука обиженного поднимется на него». Я понимаю так, что слова эти написаны как предупреждение для ненасытного вора и нечестивца, а не для обиженных им. Так?

– Так, сынок.

– Однако, – продолжал Варфоломей, – если обиженные злодеем люди по-своему поймут слова из «Книги Иова», они могут поднять руку на своего притеснителя и насильственно отнять у него имущество или, ослеплённые местью, самовольно расправиться с ним и тем нарушить заповеди Божии. Тогда получается, что, отбирая у вора и мздоимца награбленное им богатство и возвращая его ограбленным людям, князь спасает их от нарушения заповедей Господа нашего. Так, отец?

– Получается так, сынок.

Нетерпеливый Стефан не унимался:

– А если земля будет в собственности у вора?

– Если земля будет в собственности у кого-то из людей, князь не сможет обеспечить средством для существования всех своих подданных и тем нарушит волю Господа. **По воле Господа земля – это основа державы и главное средство существования всего её народа,** и потому она не может принадлежать каким-то отдельным людям. Вся земля, на которой живёт наш народ – это Родина наша общая: мы здесь родились, живём, направляемые волей Господа нашего, и **готовы положить головы свои за Родину, за нашу землю общую,** а не за землю и богатство каких-то отдельных владельцев. А управляет землёй нашей и всеми её богатствами Великий Князь наш во благо всего народа нашего и все должны его слушать и подчиняться ему.

– Отец, но есть люди, которые привыкли грабить и признают только право сильного и обман, и которым не нравится наш порядок и наш князь, которого принимает как правителя весь наш народ, и такие люди начнут противиться его власти. Что тогда? – спросил Варфоломей.

– Святой апостол Павел учит нас: **«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение».** Значит это, что те, кто противится власти, которую признаёт и поддерживает наш народ, навлекут на себя осуждение и должны будут или подчиниться власти, или уйти проживать в другое княжество, к другому князю.

– А если они не уйдут в другое княжество и будут явно или тайно выступать против власти князя нашего, против порядков наших, мутить и обманывать народ наш, что тогда? – полюбопытствовал Стефан.

– Тогда им придётся испытать гнев народа, который должен защищать свою Родину и своего правителя от недругов.

– Значит, выходит, что земля, на которой мы здесь живём, принадлежит не нам, а только Господу нашему и мы должны оберегать её – так повелел нам Господь. Великий князь только

управляет землёй княжества нашего во благо всех людей наших. Так? – заключил Варфоломей.

– Так, сын мой. Великий князь, как главный правитель княжества, наделил нас частью общей земли и разрешил нам ею пользоваться, за то, что мы служили у него для народа нашего. Я со своими помощниками обязан был служить в войске князя, чтобы защищать наших землепашцев от врагов, если те на нас нападут. Для того я должен был покупать коней и оружие, а это всё дорого стоит. На земле, которой наделил нас князь, поселились землепашцы, и мы разрешили им пользоваться этой землёй. За то они отдавали нам часть своих трудов. Часть этого достатка мы передавали в казну на нужды княжества, а за остальное мы жили сами и помогали нашим землепашцам, если случалась засуха, неурожай, пожар или какая другая напасть. Всё уразумели, дети мои?

– Нет, не всё, отец, – с тревогой в голосе произнёс Стефан. – Получается, что если после вашего с матушкой ухода в обитель мы, дети ваши, не будем служить в войске князя или в княжеских приказах и не будем работать на выделенной нам земле для общего блага, тогда князь возьмёт у нас землю и передаст её другим. А что тогда будет с домами и постройками, которые мы сами поставили на этой земле и в которых мы теперь живём? Их у нас тоже возьмут в казну?

– Если вы не станете верой и правдой служить нашему народу и князю нашему, эти дома и постройки останутся за вами – моими наследниками, но за землю, на которой они стоят, тогда вы будете вносить плату в казну. От вас отойдёт только пахотная земля, луга, на которых пасётся скот, и леса, расположенные на земле, которую выделил нам князь пока я служил для пользы отечества. Вот так, дети мои, думайте, как будете жить дальше. Вы достаточно разумны, и мы с матушкой надеемся, что каждый из вас найдёт своё место для достойной службы своему народу и своей Родине. – Кирилл тяжело вздохнул. – Вот всё наше напутствие, а теперь идите с Богом, нам с матушкой отдыхать пора.

– Отдыхайте, милые родители, за нас будьте спокойны, мы оправдаем ваши надежды, – сказал Стефан.

Дети направились к выходу, Кирилл перекрестил их вслед.

Хотьков монастырь

В начале ноября на вечный покой в иной мир отошла Анна, любимая жена Стефана и мать его детей Климента и Иоанна. Стефан решил предать её прах земле у стен Покровского монастыря – так ему легче будет навещать её и помогать родителям, живущим в обители.

В день погребения Анны небо было затянуто облаками. Первый снег падал на ещё не замёрзшую землю, ложился белым покрывалом на небольшое монастырское кладбище с деревянными крестами, расположенное недалеко от обители.

У очередного только что насыпанного холмика стояли Кирилл и Мария в монашеских одеждах, рядом Стефан, его сын Климент, Пётр с женой Екатериной, Варфоломей и старичок священник. Обряд погребения закончился. Немного постояв молча, провожавшие пошли к воротам монастыря, где оставили возок. У могилы задержались только Стефан с сыном. Климент тихо плакал. Отец обнял его за плечи:

– Вот и ушла от нас твоя матушка и моя любимая супруга. Да простит ей Господь грехи её вольные и невольные и даст ей Царствие Небесное, – отец и сын перекрестились. – Одни мы с тобой остались.

Климент, немного помолчав, поднял взгляд на отца и с упреком промолвил:

– Нет, батюшка, мы не одни. Дома нас ждёт дитятко малое.

– Да, да, прости, сынок, я ещё не привык, что вас у меня теперь двое. Пойдём.

Стефан и Климент прошли вдоль забора к воротам, где их ждали остальные.

– Как жить дальше будешь? – с беспокойством спросил Кирилл. – Кто детей пригреет, приголубит, кто за хозяйством присмотрит?

– Тяжело тебе будет, сынок, – тихо промолвила Мария.

– Кабы не дети да хозяйство, – Стефан вздохнул, – остался бы я здесь в монастыре, принял бы монашество.

– Послушай, Стефан, – Екатерина мельком взглянула на Петра, – пока Анна хворала, Климент постоянно был у нас. Привязались мы к нему, теперь он нам как свой, родной. Да и он к нам хорошо относится, а дочка наша считает его своим братом. И малёшенький твой с нами. Оставь деток у нас, вырастим их как своих детей. А тебе лучше будет здесь, в монастыре, и родителям поможешь, и за могилкой Анны присмотришь.

– И то правда, Стефан, – поспешил вставить Пётр, – оставь нам своих деток и будь за них спокоен.

– Послушай, Стефан, разумные речи брата и жены его. Дело они говорят. А за хозяйством я присмотрю. Бог даст, всё уладится, – степенно и уверенно добавил Варфоломей.

Стефан присел, привлёк к себе Климента и посмотрел ему в глаза:

– Ну как, сынок, останешься жить у дяди Петра?

Климент ответил неуверенно:

– Я не знаю, батюшка, как скажешь, так я и сделаю. Наверно, так надо, у дяди хорошо.

Климент шмыгнул носом, кашлянул, на глаза его навернулись слёзы. Он попытался отвернуться, но отец сильнее прижал его к себе.

– Не расстраивайся, сынок, всё будет хорошо, спасибо тебе, – Стефан поцеловал сына, встал. – Спасибо вам, мои родные, не оставили вы меня в беде. Помоги вам Господь.

– Нам пора, – прервал разговор Пётр, – дома детки малые остались, ехать далеко и дело к ночи.

Стефан обнял и поцеловал сына:

– До свидания, сынок, слушайся дядю и тетю, помогай им воспитывать братика. Не скучай, я буду приезжать к вам в гости. И ты приезжай в монастырь ко мне и к бабушке с дедушкой.

– Я обязательно приеду, – ответил Климент, немного успокоившись.

Родители и Стефан попрощались с отъезжающими. Пётр с женой, Климент и Варфоломей пошли к возку, продолжая беседовать о насущном.

– Теперь забота о детях Стефана наша общая. Нужна будет помощь – скажите, я всегда помогу. А за домом родителей я присмотрю, – обратился главным образом к Екатерине Варфоломей.

– Спасибо тебе, братец, добрый ты человек, – тихо ответила Екатерина.

Сели в возок и поехали домой в Радонеж. Священник осенил отъезжающих крестным знамением и ушёл в монастырь. Кирилл, Мария и Стефан смотрели вслед уезжающим, пока возок не скрылся из виду. Редкий снег ложился на одежду, на траву, тронутую первым заморозком, накрывал белым одеялом недавно насыпанный холмик с деревянным крестом.

Год 1339

Кончина родителей. Варфоломей просит Стефана идти с ним в пустыню. Напутствие игумена Митрофана. Приход братьев на Маковицу. Установка креста, устройство шалаша и землянки. Стефан идёт в Радонеж.

Не прошло и года после смерти жены Стефана Анны, как рядом с её могилой у стены Покровского монастыря в Хотькове в самых первых числах сентября появились два новых холмика. С миром отошли ко Господу на вечный покой схимники Кирилл и Мария.

День был пасмурный, временами моросил дождь. Около могил стояли Стефан, Варфоломей, Пётр, Екатерина, Климент и священник. Стефан, оставшийся теперь старшим в роду, смахнул рукой слезу и дрожащим голосом молвил:

– Прощайте, наши святые родители. Царствие вам Небесное. Вместе вы прожили вашу трудную жизнь и вместе покинули мир сей. Менее чем на два дня смогла матушка наша пережить кончину батюшки. Простите, милые родители, нас, детей ваших.

Некоторое время все стояли молча. Каждый мысленно говорил с родителями, каждому было что сказать им, каждый просил у них прощения, благодарил их и прощался с ними. Родные и священник пошли к воротам. Варфоломей, оставшись один у могил, опустился на колени. Закончив молитву, он встал и присоединился к ожидавшим его.

Пётр, стоявший у возка, обратился к жене:

– Решил я, Екатерина, завещать детям нашим, чтобы, когда мы покинем мир сей, похоронили нас рядом с родителями.

– Согласна я с тобой, Петя, помог бы только Господь детей на ноги поставить, – также тихо ответила Екатерина, положив руку на свой заметно округлившийся живот.

Стефан присел, привлёк к себе Климента:

– Сыночек, как живётся тебе в новой семье? Хорошо ли тебе? Как ты себя ведёшь? Помогаешь ли дяде и тёте за братиком ухаживать?

– Не беспокойся, отец, я привык, – ответил Климент с достоинством взрослого человека. – А братик уже большой, ходить пытается. Дядя и тётя заботятся о нас. – И с грустью добавил: – Только вот по матушке и по тебе скучаю.

Стоявшая рядом Екатерина погладила Климента по головке и ласково сказала:

– Всё хорошо, Стефан, детки послушные. Климент учится, Варфоломей с ним грамотой занимается. Иоанн не болеет, растёт крепеньким мальчиком. Живём дружно. Ты не волнуйся, вырастим мы твоих деток.

Стефан встал, двумя руками привлёк к себе Климента, тот всем телом прижался к большому крепкому отцу.

– Спасибо, родные. Что бы я без вас делал? Спаси вас Господь, – тихо промолвил Стефан.

– Езжайте без меня, я останусь, поговорю со Стефаном. Позже сам приду, – попросил Варфоломей.

– Ладно, как знаешь, – ответил Пётр и направился к возку. – Стефан, заглядывай к нам. Храни тебя Господь.

Пётр и Екатерина сели в возок.

Стефан поцеловал Климента и слегка оттолкнул его от себя:

– Иди, сынок.

Мальчик отошёл от отца на шаг, обернулся и, увидев слёзы на его глазах, резко рванулся к нему. Они обнялись. Слегка отстранившись, Климент твёрдо произнёс:

– Не волнуйся, батюшка, всё хорошо будет, в добре я воспитаю Иоанна, – и поспешил сесть в возок, который тут же тронулся.

Стефан смахнул слезу и перекрестил вслед Климента.

Священник, проводив отъезжающих, пошёл в обитель.

Оставшись одни, Стефан и Варфоломей пошли по тропинке вдоль монастырской стены в сторону, противоположную от кладбища. Погода улучшилась, из-за туч выглянуло солнце, падали редкие жёлтые листья.

Некоторое время братья шли молча, наконец Варфоломей решился:

– Вот и покинули нас родители наши, предали мы их могиле, засыпав землёй, как сокровище многоценное.

– Царствие им Небесное, – Стефан перекрестился.

– Теперь я иду в Радонеж и буду там в печали молиться об упокоении их душ, – тихо продолжил Варфоломей.

– Хозяйственные дела надо уладить.

Варфоломей остановился и внимательно посмотрел на брата:

– Ты знаешь, Стефан, мечту мою давнюю, моё заветное стремление.

Стефан не прерывал его. Варфоломей продолжал:

– Отовсюду я утруждён и обременён, но вот Господь глаголет в Евангелии: «Прииди ко мне, и аз упокою тя». Можно ли пренебрегать тем, чего всеми силами искать надобно? Избрал я не жизнь для себя, а жизнь для Бога.

– Воля твоя, братец, – сказал Стефан спокойно.

– Через сорок дней завершится установленное церковью поминовение новопреставленных, и я уйду в пустыню.

– Тяжкий путь ты выбираешь, брат. Много в нём великих скорбей, лишений и испытаний. Хватит ли у тебя сил, ведь ты ещё совсем молод, тебе только двадцать лет? – Стефан внимательно посмотрел на брата.

– Сам Господь ищет меня и сретает со Своим вожделенным покоем. И как же я был бы не разумен, если бы вздумал отказаться от сего неоценённого сокровища! – пылко ответил Варфоломей и уверенно добавил: – Нет, пойду за гласом сим, Бог солгать не может. Сердце моё Он зажёг, не могу успокоиться, пока обещанного Им покоя не найду. – И уже спокойно продолжил: – А на силы свои я надеюсь. Чем больше труда будет в одинокой жизни пустынника, чем больше будет в ней лишений, тем лучше. Всю свою прожитую жизнь я готовился встретить эти трудности.

– В том сила твоя, что ты не боишься трудностей, не боишься неизвестности.

– Одно только пугает, что всё это ново для меня. Привык я жить под покровительством родителей, слушаться их советов, вот и боюсь теперь положиться на себя, – в голосе Варфоломея сначала прозвучала грусть, затем в душе появилась надежда. – Теперь ведь ты мне вместо родителей, а посему надеюсь иметь в старшем брате-иноке верного спутника и опытного руководителя на новом многотрудном пути. Прошу тебя, брат мой любезный, пойдём со мной. Вдвоём будем искать место для пустынножительства.

Стефан предполагал, что Варфоломей может просить его пойти с ним, однако предложение это застало его врасплох. Он молчал, обдумывая, как ответить младшему брату, чтобы не обидеть его.

Душевная боль ещё не покинула Стефана после смерти любимой жены Анны, ушедшей из жизни в двадцать три года вскоре после рождения сына. Тоска по ней терзала его так, что он бежал от неё, оставив малолетних детей на попечение семьи брата. Он знал, что о них заботятся, как о собственных, однако это не утешало его и не могло избавить от душевных мук. Живому трудно принять внезапную, поэтому ещё более жестокую смерть любимого

человека, теперь ещё потерю дорогих родителей. Живое сердце будет скорбеть и оплакивать родных, пока всё не залечит время.

– Брат мой, ведь я недавно был простым мирянином. В монастырь поступил не столько по влечению чистой любви к Богу, сколько потому, что сердце моё было разбито горем, искало врачевания в тишине святой обители.

– Но ты ведь стал монахом и уже почти целый год служишь Богу.

– Желание моё было пройти обычный путь жизни монашеской в стенах монастырских. Не мыслил я принимать на себя подвига выше меры своей.

– Прошу тебя, брат мой любезный, пойдём со мной, не оставь младшего брата своего в его стремлении посвятить свою жизнь служению Богу, – с мольбой в голосе сказал Варфоломей и, немного подождав, добавил, глядя с надеждой на Стефана: – Что ответишь ты мне?

Стефан задумался. Он хорошо знал стремление брата посвятить жизнь свою служению Богу и поддерживал его в этом. Он также знал, что не может оставить младшего брата, враз лишившегося родителей, одного в начале неизвестного пути. Стефан уже решил идти с ним, но его пугала приближающаяся зима. Надеясь перенести время ухода в пустыню на весну и заодно дать Варфоломею возможность ещё укрепить дух свой перед предстоящим ему великим трудом, Стефан сказал:

– Теперь домой иди. Подумай о скорой зиме, сколь трудной, а может, невыносимой она будет. Ещё есть время помыслить о деяниях своих и тебе, и мне. Божья воля направит нас на путь истинный.

– Для себя я всё решил, ничто меня не удержит, – твёрдо ответил Варфоломей. – Мысль моя уже витает в дебрях пустынных. По истечении сорока дней я опять приду умолять тебя.

– Хорошо, тогда всё и решим. – Стефан повернулся и не спеша направился в сторону ворот.

Некоторое время братья шли молча. Только у ворот Варфоломей спросил:

– Скажи, что будем делать с хозяйством родителей наших?

– Что предлагаешь ты?

– Господь сказал: аще кто грядет по Мне и не отречётся всего своего имения, не может быть Моим учеником. Следуя слову Божию, разумно нам с тобою передать нашему меньшому брату Петру всё, что осталось после родителей.

– Делай так, знать, на то воля Божия. Петру и детям подспорье будет, – сказал Стефан равнодушно.

– Спасибо, брат, за понимание. Теперь пойду я, путь не ближний.

– Спаси тебя Господи. Иди.

Варфоломей быстро зашагал по дороге от монастыря.

Радонеж

Пока совершалось установленное Церковью поминовение новопреставленных, молитву об упокоении душ своих родителей Варфоломей соединял с делами милосердия.

В один из дней во двор вошли четыре странника, остановились и посмотрели по сторонам. Увидев в окно гостей, Варфоломей вышел им навстречу и пригласил в дом. Войдя в горницу, странники сняли шапки, перекрестились, положили у порога котомки и посохи. Возраста странники были неопределённого и вида неопрятного: волосы на головах и бороды всклокочены, давно не чёсаны, одежда потрёпана, в заплатках.

– Присядьте, гости дорогие, отдохните и отведайте кушанья нашего.

– А где руки смыть можно? – спросил один из странников.

– Вон там, – Варфоломей указал на рукомой у входа с висевшим рядом полотенцем.

Пока странники приводили себя в порядок, мыли руки, разглаживали мокрыми руками бороды и причёски, Варфоломей приготовил трапезу.

Ели странники молча, степенно, не спеша, не оставляли на столе ни единой крошки, тщательно подбирали с мисок. Варфоломей подавал им еду и внимательно, с грустью наблюдал за ними.

По манерам странников, по их натруженным рукам можно было понять, что некогда они были приучены к труду, вели хозяйство, имели семьи. Что могло с ними случиться? Какая страшная напасть вывела их на бесконечную дорогу? Какие обстоятельства выгнали их из домов и разлучили с родными и близкими? Какие роковые события определили их судьбу: войны и распри князей, цепляющихся за свой стол; произвол и поборы княжеских и боярских служивых людей; жадность богатеев, готовых на любое преступление ради увеличения своего богатства? Почему они – бездомные странники в своём отечестве? Чем эти несчастные провинились перед Богом, за что Он отвернулся от них? Такие мысли возникали в голове Варфоломея, но он не находил ответа.

Гости закончили трапезу, встали, помолились.

Самый пожилой из них и, видимо, старший в группе вышел из-за стола, повернулся к Варфоломею и, низко поклонившись, сказал:

– Покорно благодарим, кормилец ты наш. Дай Бог тебе здоровья, светлая ты душа. Век помнить будем доброту твою. Пора нам и честь знать, пойдём мы.

Другие странники тоже встали, крестились и кланялись.

– Подождите, люди добрые. Скоро зима, а одежда ваша к холодам непригодна. Прошу вас нижайше, возьмите вещи тёплые, – ответил Варфоломей и вышел в соседнюю комнату.

В ожидании его возвращения странники с любопытством смотрели по сторонам. Один из них подошёл к столику у окна и стал листать лежавшую на нём книгу.

– Что там? – спросил его старший.

– Святое Евангелие. Видать, благодетель наш почитает учение Господнее.

В горницу вошёл Варфоломей, вынес зимние вещи отца и Стефана, положил их на скамейку:

– Не взыщите, люди добрые, это всё, чем я богат.

Разбирая вещи, странники наперебой благодарили хозяина. Уложив подаренную одежду в котомки, перекрестившись перед иконами и поклонившись Варфоломею, странники покинули гостеприимный дом, чтобы продолжить свой трудный, неведомый путь. Они не знали, куда идут, только Господь знал, куда приведёт их эта дорога.

Варфоломей убрал со стола, отнёс посуду на кухню, возвратился в горницу и вошёл в моленную. Взяв с полки

книгу, положил её на аналой, открыл, задумался, пришёл в себя и начал читать:

– «Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы», – он оторвал взгляд от страницы и посмотрел на иконы. Некоторое время напряжённо размышлял и наконец со страстью в голосе произнёс: – Я, я из числа сих труждающихся и обремененных. – Помолчал и продолжил: – Чувствую в себе силу страстей, совесть моя трепещет суда Божия. Сосуд избранных, апостол Павел говорит о себе, что он – первый из грешников. А мне что иное о себе сказать? И внешние обстоятельства своею прискорбностью гонят меня в пустыню.

Немного подумав, Варфоломей продолжил чтение:

– «Се удалюся, бегая, и водворюся в пустыни, буду чаять Бога, спасающего мя от малодушия и от бури!» – снова помолчал, полистал книгу. – «Аще кто грядет ко Мне и не отречётся всего своего имения, не может быть Мой ученик», – Варфоломей замолк, размышляя.

В горнице хлопнула дверь. Варфоломей перекрестился и вышел из моленной. У входной двери стоял Пётр.

– Хорошо, что пришёл, я как раз собирался к тебе, – сказал Варфоломей. – Завтра сорок дней со дня кончины родителей, надо посетить их могилы.

– И я пришёл о том говорить. Утром ждём тебя, – ответил Пётр и вышел.

Варфоломею ещё надо было собраться в путь. Жить предстояло вдали от поселений, все вопросы решать самому, на чью-либо помощь рассчитывать не приходилось. Для жизни в пустыне надо было взять с собой всё необходимое, хотя бы на первое время, дальше он надеялся приспособиться к суровой жизни отшельника.

Он стал собирать всё, что, по его мнению, они со Стефаном смогут донести на себе. Прежде всего, он принёс из моленной и положил на стол икону Христа, икону Богородицы и Евангелие. Затем стал укладывать котёл, кружки, ложки, ножи, одеяла, зимнюю одежду, обувь, пилу, топоры, лопаты, он надеялся, что работать им придётся всё-таки вдвоём. Собрал другие вещи, которые могут понадобиться при одинокой жизни в лесу. Всё это ещё надо было уложить в котомки.

Остаток ночи Варфоломей провёл в молитве. Он знал, что навсегда уходит из родного дома и больше сюда не вернётся. Когда рассвело, он был готов к переходу в новую, ещё неведомую ему жизнь. Последний раз он вошёл в моленную, приложился к святым образам, поклонился родному дому и вышел за порог.

Первые лучи солнца уже осветили двор. Работник запряг в возок пару лошадей. Варфоломей вынес во двор котомки для себя и Стефана, мешок, из которого торчала рукоять топора, обёрнутые в одеяло пилу и лопаты. Уложил всю поклажу в возок. Из дома вышли Пётр, Екатерина и Климент. Следом на пороге показалась служанка с годовалым Иоанном, мирно спавшим у неё на груди. Цепляясь за широкую юбку и путаясь в её складках, за служанкой следовала белокурая двухлетняя Мария. Её пухленькое личико выражало недовольство, она не понимала, зачем её так рано сняли с теплой печки.

– Доброе утро всем, – Варфоломей поклонился.

– Утро доброе, – ответили ему.

Варфоломей поклонился работнику и служанке:

– Прощайте, дорогие мои, не забывайте меня. Спаси и сохрани вас Господь.

Работник поклонился в ответ, служанка смахнула слезу.

– Ну, усаживайтесь, – сказал Пётр и помог сесть в возок Екатерине, которая поддерживала свой отяжелевший живот. Восьмилетний Климент резво запрыгнул следом. Варфоломей и Пётр сели впереди. Возок выехал за ворота.

Покровский монастырь в Хотькове

Подъехали к монастырю. Первым с возка спрыгнул Климент. Пётр помог слезть Екатерине.

– Вы идите, а я схожу за Стефаном, – сказал Варфоломей и направился к воротам.

С помощью племянника Пётр стал поправлять могилы родителей и Анны. Екатерина стояла рядом, прикрывая глаза от лучей ещё тёплого и яркого солнца. Подошли старшие братья. Стефан поклонился Петру и Екатерине, привлёк к себе и поцеловал Климента. Несколько минут стояли молча. У каждого были свои отношения с усопшими, каждый просил у них прощения и ещё раз с ними прощался.

– Прости, Господи, им грехи их вольные и невольные и даруй им Царствие Небесное, – прошептал Стефан.

Последний раз поклонились дорогим могилам и направились к воротам. Позади всех шли Стефан и Варфоломей. У возка остановились.

– Ну что, уходишь от нас? – спросил Пётр, обращаясь к Варфоломею.

– Да, братец, оставляю я мирскую суету, ухожу в служение Господу нашему.

– А ты что решил? – повернулся Пётр к Стефану.

– Уступаю настойчивым просьбам брата, пойду с ним.

– Простите меня, родные мои, если кому чем не угодил, – Варфоломей низко поклонился младшему брату и его жене. – Не забывайте меня, я же буду молиться о вас, буду просить Бога, чтоб Он дал вам всем здоровье, благополучие, силы и разумение в воспитании детей ваших.

Варфоломей обнял каждого и с каждым троекратно поцеловался.

– Удачи тебе, Варфоломей, и тебе, Стефан, на пути избранном. Господь поможет вам. – Пётр смахнул скупую слезу.

– Если совсем тяжко будет, если силы покинут вас, возвращайтесь, всегда рады вам будем, – молвила Екатерина, в отличие от мужа не сдержавшая слёз.

– Спасибо, родные мои, – тихо сказал Варфоломей, отвернулся и приложил руку к глазам.

Стефан присел, привлёк к себе Климента:

– Сынок, родной, люблю я вас с Иоанном и всегда буду помнить о вас. Слушайся и люби родителей своих новых. Заботься о брате. Господь поможет вам.

Поцеловав сына, Стефан осенил его крестным знамением.

Пётр подошёл к возку и подал Варфоломею его скудный скарб:

– Поедем мы.

Старшие братья взяли свои вещи. Пётр помог Екатерине сесть в возок, усадил Климента, размазывающего рукавом слёзы, и сел сам. Возок тронулся. Стефан и Варфоломей перекрестили их вслед, перекрестились сами и вошли в ворота.

Внутри монастыря стояла небольшая церковь, а рядом, по сторонам неширокой улицы, расположились четырнадцать келий. Брёвна, из которых были сложены строения, потемнели от времени, потому как монастырь существовал здесь с давних времён. Позади каждой кельи имелись огородики, на которых уже убрали урожай. Кое-где на них трудились монахи, вскапывая землю под зиму.

Подойдя к одной из келий, Стефан и Варфоломей положили свою поклажу у порога.

– Оставим здесь и пойдём к игумену за благословением. Я с ним уже говорил и получил его разрешение покинуть обитель.

Келья игумена была такая же маленькая, как и все остальные – всего одна комната не более двух простых саженей в длину и двух в ширину. Сквозь маленькое окошко пробивался дневной свет. Убранство было скромное: в углу на полке-иконы, перед ними – лампада. У стены – лежанка, на которой сидел игумен Митрофан, седой старец с длинной бородой. Возле лежанки – небольшой столик, сколоченный из гладких белых липовых досок, на нём лежала открытая книга и горела свеча.

Войдя в келью, братья перекрестились и опустились перед старцем на колени. Стефан, поклонившись, обратился к нему:

– Святый отче, пришёл брат мой Варфоломей. Благослови нас на путь, нами избранный, решились мы уйти в пустыню, будем молить Бога, спасающего нас от малодушия и от бури.

– Встаньте, дети мои, – произнёс игумен, поднимаясь с лежанки.

Братья встали.

– Вот ты и пришёл к нам, сын почтенного боярина Кирилла и жены его Марии, Царствие им Небесное, – тихо, но внятно произнёс старец и пристально посмотрел на Варфоломея.

Варфоломей, стоявший до этого с опущенной головой, взглянул на старца. При первой встрече в полумраке сельской церкви Варфоломею не удалось его рассмотреть. Теперь прежде всего он увидел умные, пронзительные глаза, смотревшие на него из-под густых

белых бровей. Варфоломею показалось, что они видят всё, чем полна его душа, и он вздрогнул. Между тем старец продолжал:

– Помню, сын мой, о желании твоём и нетерпении служить Господу нашему. Только молод ты и ещё не знаешь, что есть жизнь в местах уединённых. Не прошёл ты иноческого послушания, не по силам тебе может стать тяжесть отшельнической жизни. Останься пока в обители нашей, здесь привыкнешь к монастырской жизни, примешь иноческий образ. А там как Господь направит.

Варфоломей, глядя в глаза старцу, с жаром произнёс:

– Отче, с малолетства принял я обет служить Богу и искал путь свой. Душа моя горела неизъяснимою жаждою подвига во имя Бога. Всякий труд мне кажется легок, всякое лишение – ничтожно. От юности взял я крест свой, чтоб идти за Господом, и теперь избрал трудный путь пустынника.

– Что ж, сын мой, раз ты твёрдо решил избрать сей путь, испытай себя. Пока ты молод и неопытен, пусть сподвижником твоим будет брат твой, обладающий верой, умом и мужеством, имеющий жизненный опыт, могущий ободрить и наставить и уже облечённый в иноческий образ.

Игумен взял с полки икону с ликом Христа и осенил ею братьев:

– Благословляю вас, дети мои, на подвиг сей.

Стефан и Варфоломей перекрестились, низко поклонились и поцеловали образ.

Игумен поставил икону на место, сел на лежанку.

– Примите, дети мои, совет. Идите в леса, на облюбованном месте сперва копайте землянку для зимовки, ведь зима скоро, келью срубить до морозов не успеете. Зимой валите лес, с весной поставите келью. Если около вас соберётся несколько человек, ставьте церковь. Испросите у князя право на владение местом, а у митрополита – разрешение освятить церковь. Так явится новая обитель. Бог вам в помощь.

– Отче, я не мыслю ставить обитель, не желаю собирать около себя братию, – поспешно ответил Варфоломей и уже спокойно добавил: – Имею я одно заветное желание укрыться навсегда от мира в глубине непроходимой чащи лесной, укрыться так, чтоб мир никогда не нашёл меня и совсем обо мне забыл. Единственной поддержкой и опорой мне послужит брат мой Стефан.

Старец пристально посмотрел на него:

– На всё, дети мои, воля Божия. Раз вы так решили, пусть так и будет. Да, вот ещё. Люди сказывали, что верстах в десяти-двенадцати от Хотькова есть место, которое возвышается над окрестностями в виде маковки, почему и прозывается Маковицею. Над ним видели достойные люди одни свет, другие огонь, а иные ощущали благоухание. Место сие угодно для служения Богу. Удалено оно не только от жилищ, но и от путей человеческих. Найдите его. Будьте упорны в поисках своих. По слову святого апостола: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, а стучащему отворят». Да благословит вас Господь.

– Благодарим тебя, отче, – Стефан поклонился.

– Теперь идите, к утру вам приготовят пропитание, которого вам хватит на первое время. С рассветом отправляйтесь, путь ваш неведом и труден. А я буду молиться за вас. Спаси вас Господь. – Старец перекрестил их.

Братья поклонились и удалились из кельи.

На следующее утро, на рассвете, Стефан и Варфоломей вышли из ворот монастыря. Оделись они по-осеннему, взяли с собой всё необходимое для жизни в пустыне. К их заплечным котомкам были привязаны лопаты, топоры, пила, котёл, сверху котомок – тулупы и одеяла из овечьих шкур. В руках несли большие сумки. Выйдя из ворот, путники направились в сторону кладбища. Молча помолились у родных могил, низко поклонились им и пошли по

дороге, ведущей от монастыря в сторону леса, навстречу восходящему солнцу. Шли хвойным лесом, шли уже пожелтевшим лиственным лесом, иногда выходили на поляны, пересекали их и снова углублялись в лес. На пути им встречались журчащие ручьи и речки с прозрачной водой. Шли они день, второй, третий.

Маковица

В конце третьего дня братья вышли на берег реки. Сняли котомки, сели на поваленное дерево отдохнуть. Варфоломей, положив руки на колени, молча рассматривал лес на противоположном берегу, пытаясь представить себе своё будущее пристанище. Стефан посмотрел вокруг и устало, с нескрываемым нетерпением уже не в первый раз обратился к брату:

– Сегодня третий день, как мы покинули монастырь, а нужное место так и не нашли. Сколько было хороших мест – и лес непроходимый, и река, и поляна, а тебе всё не по нраву.

– Что поделаешь, Стефан, если душа моя в смятении, всё не то было, – ответил Варфоломей виноватым голосом.

– Сколько ещё ходить будем? Дело к зиме, скоро заморозки, ночи уж вон какие холодные, – гнул своё Стефан.

– Я всё понимаю, брат мой любезный. Ну, потерпи ещё чуток. Чувствую, что вот-вот Господь приведёт нас, – оправдывался Варфоломей.

Стефан посмотрел с укоризной на Варфоломея, встал, обошёл вокруг дерева, на котором они сидели, и, осмотревшись, спросил:

– Здесь две тропы. Куда пойдём?

Варфоломей подошёл к брату, внимательно посмотрел на тропинки.

– Туда, – он указал рукой в сторону леса. – Здесь медведь шёл, человек тут не ходит.

– Ладно, – примирительно ответил Стефан. – Давай ко сну готовиться, а то уж скоро стемнеет.

Взял топор и пошёл рубить ветки для ночлега. Варфоломей занялся ужином. Достал из котомки хлеб, сушёную рыбу, кружки, положил всё на поваленное дерево. Отвязал от котомки котёл и пошёл к реке за водой. Развёл костёр, вскипятил воду. Братья поели и легли спать на еловом лапнике.

Проснулись они на рассвете. День обещал быть ясным и тёплым. Помолившись и перекусив, братья отправились дальше искать заветное место. Уже несколько часов они шли по выбранной вчера звериной тропе. Солнце прошло зенит и клонилось к закату. По кустам раскинулась паутина – предвестник хорошей погоды. Тропа вела их вдоль речки, петляя между деревьями и кустарником. Еле продираясь сквозь густые ветки, первым шёл Варфоломей. Несколько отстав от него, с усталым видом и безразличием на лице следовал Стефан. Слева, на другом берегу реки, желтел лиственный лес, справа возвышался холм с вековыми соснами. Едва приметная тропа поворачивала вправо. Кустарник заметно поредел. Поднявшись на вершину, они вышли на небольшую поляну, свободную от кустарника, поросшую засыхающей травой и залитую лучами заходящего солнца.

Братья остановились. Варфоломей внимательно осмотрелся. Вокруг поляны тихо шумел густой хвойный лес. Казалось, что столетние сосны приветствовали путников лёгким покачиванием вершин, освещённых солнцем. Варфоломей смотрел на них, и взор его светлел, он улыбнулся и с восторгом воскликнул:

– Сбываются мои заветные желания, мои задушевные мечты. Вот она, пустыня, вот он, дремучий лес, рай земной, в котором жили праотцы рода человеческого.

– Сие то, что ты искал? – спросил Стефан, боясь опять услышать отрицательный ответ.

– Да, брат! – с прежним воодушевлением продолжал Варфоломей. – Мир со всей его суетой, с его житейскими волнениями остался там, далеко позади. Я более не вернусь туда. –

Далее произнёс более спокойно и торжественно: – Здесь я найду свой покой, здесь поселюсь навсегда, буду беседовать с единым Богом.

Стефан, оглядываясь по сторонам, выразил сомнение:

– Тяжко нам тут придётся. Трудов много положить надо.

– Сам знаешь, брат мой любезный, в жизни ничто без труда не даётся. А с помощью Божией, с любовью и верой горы свернуть можно. Нас же двое, и ты мне родной не по плоти только, но и по духу, и, разделяя труды предстоящие, мы всё одолеем, – воодушевлял его Варфоломей.

В душе у Стефана проснулась радость за младшего брата, нашедшего наконец свою пустыню, которую он не мог описать словами, но постоянно видел в своих мечтах и упорно искал. Стефан ещё не был уверен, что закончились трудные переходы, но уже начинал осознавать, что предстоит тяжёлая работа по устройству жилья, и что ждёт их суровая зимовка вдали от людей. Он положил руку на плечо брата и уверенно молвил:

– Ты меня просил, я пошёл. Как старший брат, я должен помочь тебе на трудном пути твоём. С Божией помощью мы вдвоём справимся со всеми невзгодами.

Варфоломей благодарно посмотрел на него.

– Уж солнце садится, – ласково сказал Стефан, – надо о ночлеге подумать. Давай лапник рубить.

Братья сняли котомки, достали топоры, пошли за лапником.

Утомлённые трудной дорогой и успокоенные тем, что блуждания по непроходимому лесу закончились и заветное место найдено, братья быстро уснули под овчинными тулупами, лёжа на еловом лапнике, накрытом покрывалом из овечьих шкур.

Они ещё спали, когда наступил новый день. Прорываясь сквозь верхушки сосен, на поляну проник первый солнечный луч. Он упал на лицо Варфоломея, веки его дрогнули, он открыл глаза, удивлённо и радостно огляделся и вскочил на ноги. Обойдя поляну и внимательно осмотрев её, повернулся лицом к восходящему солнцу и стал молиться.

Проснулся Стефан. Увидев брата, он улыбнулся, встал.

– Стефан, – не оборачиваясь, сказал Варфоломей, – ты помнишь, что говорил нам старец Митрофан?

– О чём ты?

– Он говорил, что есть место, которое возвышается над окрестностями в виде маковки, и над ним одни достойные люди видели свет, другие ощущали благоухание, и что место сие угодно для служения Богу, и если мы найдём его, Господь благословит нас.

– Сие помню.

– Ведь мы находимся на Маковице, я ощущаю благоухание, и ты ощутишь его. Значит, мы нашли это святое место, – счастливым голосом произнёс Варфоломей.

Видя радость Варфоломея, Стефан окончательно понял, что их трудная дорога кончилась, подошёл к брату и стал молиться. Закончив, он достал из котомки полотенце и котёл:

– Пойдём к реке, умоемся.

Варфоломей тоже достал полотенце, и они пошли по еле заметной звериной тропе вниз по склону. Как они и предполагали, тропа вывела их к реке. Первым из леса вышел Варфоломей. Перейдя небольшую поляну, он остановился на высоком берегу, плавно спускавшемся к реке. На другом её берегу, на склоне невысокого холма, вправо и влево простирался лес, расцвеченный всеми красками осени. Он то подходил к самой воде, то отдалялся, уступая место лугам, покрытым высокой, но уже пожухлой травой. Вдалеке виднелись холмы и жёлто-розовые перелески, над которыми тёмно-зелёными пятнами кое-где возвышались сосны. Варфоломей посмотрел вниз. Сквозь прозрачную воду отчётливо виделось дно и плавающие рыбы.

Поражённый открывшейся перед ним красотой, Варфоломей оглянулся, увидел выходившего из леса Стефана и, не сдерживая восторга, крикнул:

– Посмотри, красота какая!

Стефан глянул по сторонам. Будучи от природы более сдержанным, спокойно произнёс:

– Красота красотой, а нам о деле думать надо. Будет нам красота, коли к зиме не приготовимся.

Он первым спустился к воде, разделся до пояса и стал умываться. Варфоломей, сбросив на ходу одежду, с разбегу прыгнул в реку, обдав брата брызгами. Уже ставшая прохладной вода слегка обожгла молодое здоровое тело. Юноша поплыл, фыркая, отдуваясь и энергично работая руками и ногами, отчего брызги летели во все стороны.

– Заканчивай, работать надо, – проворчал Стефан, оделся, зачерпнул котлом из реки и стал подниматься вверх по склону.

Варфоломей выбрался на берег, быстро обтёрся полотенцем, оделся и побежал догонять Стефана.

Вернувшись к своему новому пристанищу, братья повесили на ветки полотенца. Стефан достал из котомки сушёную рыбу и сухари. Варфоломей, ещё раз осмотрев поляну, подошёл к её краю, навстречу утреннему солнцу, и торжественно заявил:

– Здесь церковь будет. А неподалеку, – он указал чуть в сторону, – поставим келью.

– На том месте, где церкви быть, пока крест поставим во славу Господа, – ответил Стефан.

После утренней трапезы братья взяли топоры. Стараясь достать как можно выше, Стефан начал рубить небольшую сосну на месте, выбранном Варфоломеем. Сосна была не толстой, потому Стефан справился с ней быстро, и вскоре её верхушка рухнула на землю. Стефан обтесал оставшийся стоять ствол с двух сторон. Варфоломей приготовил из упавшей верхушки перекладины. Их скрепили без гвоздей, и скоро крест был готов.

Братья опустились перед ним на колени.

– Господи, предаём себя в руки Твои, – произнёс Варфоломей. – Благослови нас, Господи, на дела наши. Благослови, Господи, место сие для подвигов наших.

Оба поднялись с колен.

– Я так мыслю, – назидательно сказал Стефан, – сперва ставим шалаш, чтоб укрыться от непогоды. Потом, как наставлял нас игумен Митрофан, копаем землянку, в ней делаем очаг. Зимовать будем в землянке, и станем валить деревья, а по весне ставить келью и церковку. Помнишь, как мы дома ставили, когда в Радонеж приехали? – Стефан улыбнулся, глядя на Варфоломея. – Ты ещё мал был, но тоже нам помогал, теперь твой опыт пригодится.

– Согласный я, – смиренно ответил Варфоломей.

– Тогда начнём. Господи, благослови.

Оба перекрестились.

– Давай повалим пяток деревьев, чтоб лапнику нарубить да шалаш сегодня поставить.

Сказано – сделано. К вечеру шалаш, покрытый еловыми ветками, был готов. Поужинав и помолившись, братья легли в нём спать.

Утром, когда встало солнце, Стефан и Варфоломей выползли из своего убежища, протерли заспанные глаза и потянулись.

– Ну как, косточки от работы не болят? – спросил Стефан, улыбаясь.

– Нет, я к работе привычный.

Совершив утреннюю молитву, братья стали решать, как устроить свою дальнейшую жизнь.

– Скоро снег ляжет, – заметил старший. – Надо успеть собрать мох для срубов, ягод заготовить на зиму, у реки я видел калину. Рыбы надобно наловить да посушить. Если пропитание сами не заготовим, придётся ходить в село к Петру.

– Камни у реки собрать надо для очага.

– Правильно. Снегом всё покроет, ничего не найдём. Пока земля не промёрзла, начнём землянку копать. Пойдём умоемся и за дело.

Братья сняли с веток полотенца, взяли котёл и спустились к реке. Вернувшись на поляну, развели костёр, вскипятили воду. Пожевали сушёной рыбы и сухарей, запивая их горячей водой, и принялись за работу. Несколько дней они собирали впрок ягоды и, если попадались, грибы, ловили рыбу и заготавливали всё необходимое для своего будущего жилища: таскали камни, собирали мох.

Наконец пришла очередь заниматься землянкой. Место для неё выбрали на краю поляны, где был небольшой склон. Стефан шагами отмерил участок и вбил в землю колышки:

– Две на две сажени довольно ль будет?

– Пока достатно, перезимуем, – ответил Варфоломей.

– Тогда начнём, благословясь.

Братья перекрестились и взялись за лопаты.

Погода выдалась на редкость хорошая, светило солнце, дул лёгкий, но уже прохладный ветерок. Стараясь использовать пригожие дни, братья трудились, не покладая рук. Работа спорилась, и к вечеру третьего дня землянка была выкопана, осталось расширить вход, зачистить стены и пол.

Варфоломей раскапывал вход, Стефан работал у стены. Их крепкие, обнаженные до пояса тела были покрыты потом.

Стефан воткнул в землю лопату, разогнувшись, потёр рукой спину:

– Давай отдохнём малость.

Варфоломей тоже прекратил работу, оба сели на солнышке.

– Поздновато мы путь свой начали, – вздохнул Стефан. – Нам бы летом сюда прийти.

– Сам знаешь, раньше мы не могли, – тихо ответил Варфоломей.

– Но ведь зиму можно было пожить в монастыре, а весной прийти сюда, – упрекнул его старший брат.

– Стефан, – взмолился Варфоломей, – много лет ждал я ухода в пустыню и наконец дождался. Для меня безразлично время года, я мог уйти и летом, и зимой, но только не мог ждать более. И спасибо тебе, что ты меня понял, поддержал и не оставил одного. – И добавил с уверенностью: – А с трудностями мы справимся. И погода, смотри, какая стоит тёплая. На день Покрова Богородицы ветер дул с полудня от солнца и малость с захода солнца, стало быть, больших холодов не жди, зима будет тёплой и снежной. Сам Господь нам помогает. Всё успеем сделать до снега.

– Умеешь ты вселить тепло и уверенность в душу, – Стефан улыбнулся. – Работу мы почти закончили. Завтра я всё сам подчищу, а ты пойди ещё мху собери, камней, поищи ягод. На сегодня хватит. Пока на речку сходим да трапезу приготовим, совсем стемнеет.

– Хорошо, как скажешь.

В тот год зима долго не вступала в свои права. Иногда моросил дождь, временами выпадал небольшой снег, по ночам случались слабые заморозки. Но чаще бывали ясные солнечные дни, и холода отступали, снег быстро таял, земля не успевала промерзать. Казалось, сама природа принимала исключительные меры, чтобы помочь братьям подготовиться к суровой жизни в пустыне. Они решили, что такова была воля Господа, и за то многократно благодарили Его в своих молитвах.

Когда зима пришла в те края, строительство землянки было уже закончено. Стены и потолок были сложены из круглых ошкуренных брёвен, по бокам от входа устроены лежанки, покрытые хвойными ветками, поверх которых лежали накидки из овечьих шкур. В углу на полочке из толстых прутьев стояли иконы Христа и Богородицы. В очаге у входа горел огонь. Дым поднимался вверх и уходил в трубу, сделанную из выдолбленного внутри бревна.

Снегопад продолжался долго и прекратился только к ночи второго дня. Приподняв полог из овечьих шкур, закрывавший вход в землянку, наружу выглянул Варфоломей. Увидев снег, он взял лопату и принялся за работу. Быстро расчистив вход, остановился и посмотрел вокруг. Его взору предстала сказочная картина: земля, кусты и раскидистые лапы сосновых веток – всё было покрыто пушистым белым одеялом. Снег искрился в свете луны, облака медленно уходили к краю неба, прямо над головой мерцали звёзды.

Очарованный окружавшей его красотой, Варфоломей перекрестился и прошептал:

– Господи! Спасибо Тебе, что Ты создал столь прекрасный мир!

Ещё раз осмотрев всё вокруг, прихватив лопату, он вернулся в землянку. Посреди неё стоял Стефан и молился. Повернувшись и увидев восторженное лицо брата, он спросил:

– Чему радуешься?

– Стефан, выйди посмотри, какую красоту создал Господь, – восторженно ответил Варфоломей. – Всё снегом покрыто. Небо расчистилось, звёзды высыпали. А луна какая!

– Это тебе всё диво, ты ночью зимой в лесу не бывал, а я такую красоту много раз видел.

– Сухарь ты, Стефан, – обиделся Варфоломей.

– Ясное небо со звёздами-то к морозу. Нам с тобой, брат, о пропитании позаботиться надо, а не о красоте

думать. Хлеб и рыба скоро кончатся. На одних ягодах при тяжёлой работе мы долго не протянем. – Стефан вздохнул. – Эх, не было у нас лета, тогда бы мы сделали запасы на зиму. И с собой мы не могли принести столько, чтоб до весны хватило.

– Что делать будем? Не возвращаться же домой, – осторожно спросил Варфоломей и вопросительно посмотрел на Стефана.

– Пока снег неглубокий, идти надо за пропитанием к Петру в Радонеж.

– Пойдём, – быстро и с готовностью ответил Варфоломей.

Стефан посмотрел на Варфоломея, улыбнулся:

– Один я пойду.

– Я бы тоже пошёл, – просящим тоном сказал Варфоломей.

– Ты здесь останешься. Поживёшь без меня, ведь ты хотел жить в пустыне один, вот и попробуй, привыкай.

Стефан достал из-под лежанки котомку, кружку. Варфоломей внимательно наблюдал за сборами брата.

– Дорога трудная, одеться тебе теплее надо. – Помолчав, добавил: – Не забудь кремень да кресало, может, огонь развести надобно будет.

– Спасибо, братец, обо мне не беспокойся, я ведь не сиднем сидеть стану, а двигаться, это лучше огня согревает. А кремень и кресало ты себе оставь, чтоб случаем без огня не остаться. Я их у Петра ещё возьму для запасу.

– А как дорогу найдёшь, ведь всё снегом занесло?

– Ещё снега мало, с Божией помощью найду. Когда идёшь к родному дому, дорога сама находится, да и путь короче. А чтоб на обратном пути не сбиться, зарубки буду делать. Достань-ка мне топор, да и зверей разных в лесу много, а ну как волк аль медведь.

Варфоломей достал из-под лежанки топор и подал Стефану.

– Поразмысли, что кроме пропитания нам ещё надобно, чтоб сразу всё принести и второй раз следом идти не пришлось, – заметил Стефан.

– Посмотри в нашем сарае петли дверные, кузнец Прохор ковал. Ещё пилу возьми, вёдра, гвозди, посуду какую, пимы не забудь. А главное, принеси книг поболее. Я понимаю, тяжко будет, ну, сколько сможешь.

– Я постараюсь, – Стефан улыбнулся. – Ведь я не на себе понесу, а на санках, которые ты смастерил дома ещё прошлым летом.

– Я знаю, ты добрый, – мягким голосом поблагодарил Варфоломей. – Когда пойдёшь?

– Соберусь теперь, а отправлюсь завтра на рассвете.

– А когда воротишься?

– Думаю, через неделю, две. Это будет тебе первое испытание одиночеством, будь осторожен.

– Да хранит тебя Господь, брат мой дорогой, – Варфоломей перекрестил его.

– И тебя не оставит Господь без защиты, – тихо сказал Стефан. – Теперь давай спать, завтра день тяжёлый.

Братья закончили сборы, потушили лучину и устроились на лежанках, укрывшись тулупами. Огонь в очаге постепенно догорал и вскоре совсем потух.

В ту ночь Варфоломей долго не мог уснуть. Завтра он впервые останется совсем один в непроходимой чаще лесной вдали от суетного мира. Однако неизвестность тревожила его, рождая некоторое беспокойство. Он долго молился и просил Господа не оставить его без Своей защиты и помощи. Покой пришёл к нему только на рассвете. К тому времени тревожные мысли покинули его, к нему вернулась уверенность и вместе с ней радость, что, наконец, сбываются мечты всей его прошлой жизни, и теперь ничто не отвлечёт его от совершения подвигов для служения Богу. Варфоломей окончательно решил, что он никогда не покинет это место.

Как писал Епифаний Премудрый: «Не в Ростовской земле, не в Ростовском княжестве, которое тогда уже потеряло своё значение, суждено было исполниться этим заветным мечтам. Там, по выражению песни церковной,

первые искры Божественного желания только начали возжигать сей великий светильник, но не там надлежало ему возгореться. Ему назначено было Промыслом Божиим просиять в мрачной пустыне, среди дремучих лесов Радонежских, чтоб оттуда светить светом своей жизни святой и своего благодатного учения только что возникавшей тогда из безвестности Москве, которая готовилась быть первопрестольною столицей всей Русской земли, а с Москвою – светить и всему Православному Царству Русскому».

Год 1340

Строительство церкви и кельи. Поход братьев в Москву. Освящение церкви. Посещение Петра. Стефан покидает пустыню. Беседа Варфоломея с игуменом Митрофаном о жизни в пустыне. Бесовские угрозы, видения.

В конце февраля на Маковице установилась благоприятная погода. По ночам ещё держались морозы, но днём они ослабевали под яркими солнечными лучами. Дни стали длиннее. Работа ускорилась. За прошедшие месяцы братья напилили и ошкурили достаточно брёвен, по две сажени для кельи, по три – для церкви, и сложили их между пней, оставшихся на поляне. Уже наполовину сложена келья.

Вечерело. Приладив на сруб очередное бревно, братья отошли в сторону. Воткнув топор в пень, Стефан присел на бревно:

– На сегодня хватит, да и пора на вечернюю молитву.

Варфоломей сел рядом:

– Медленно мы работаем. Келью ставим, а церковь ещё не начинали. Вот уж и весна скоро.

– Скоро, скоро, брат… Потом непременно лето придёт, – задумчиво произнёс Стефан.

– Давай сделаем так, – Варфоломей внимательно посмотрел на брата. – Начнём завтра ставить церковь, а келью летом сладим. Пока нам и землянки хватит, ведь морозы мы в ней пережили, а летом хорошо там будет, прохладно.

Стефан задумался, почесал затылок:

– Разумное дело предлагаешь. Сперва поставим дом Господа нашего, а уж потом для себя, как придётся.

– Спасибо тебе, брат дорогой, я знал, что ты поймёшь меня.

– Моя вина, что мы не сразу так начали, – с огорчением сказал Стефан.

– Не казни себя, оба виноваты. Прости нас, Господи, за ошибку нашу. – Варфоломей перекрестился.

– Пойдём, помолимся, поедим, да и отдохнуть надо. – Стефан встал и, прихватив топор, пошёл к землянке.

К середине апреля весь снег растаял. На поляне заметно уменьшилось количество заготовленных брёвен. Рядом с недостроенной кельей возвышался полностью собранный сруб церкви. Братья начали устанавливать крышу. Внизу Стефан отёсывал очередное бревно, готовя его к подъёму на сруб. Варфоломей работал наверху. Закрепив укосину, он выпрямился, посмотрел на Стефана, хотел его поторопить, но, услышав журавлиный клёкот, взглянул на небо. Высоко над зелёными вершинами сосен, выстроившись клином и степенно размахивая крыльями, плыли журавли. Зачарованный красотой полёта птиц, Варфоломей не заметил, что Стефан поднёс и уже подаёт бревно.

– Эй, о чём мечтается, братец? – прервал его задумчивость окрик брата. – Работай, не отвлекайся.

– Стефан, зима кончилась, самое трудное время мы с Божией помощью пережили, – восторженно откликнулся Варфоломей. – Теперь уж совсем весна, дни вон какие длинные стали. Скоро церковку закончим.

– Если так будешь работать, мы и к осени не закончим. Хватит отдыхать, давай работать.

Варфоломей принял бревно, стал прилаживать его. Стефан готовил следующее.

В мае месяце, когда деревья покрылись листочками, а на лужайках проросла трава, строительство церкви было в основном закончено. Церковь получилась небольшая, продолговатой формы, по образу Ноева ковчега, ведущего нас по морю жизни к тихой пристани в Царстве Небесном. Дальняя от входа часть помещения несколько возвышалась над передней и заканчивалась вверху главкой, на которой был установлен крест во славу главы Церкви – Иисуса Христа. В боковых стенах были сделаны проёмы для окон. Осталось только вставить стёкла и навесить дверь. Рядом с церковью стояла так и недостроенная келья и шалаш, сооружённый братьями ещё осенью. Возле шалаша в качестве скамьи на двух пнях лежало бревно.

Братья тесали доски для двери. Стефан, закончив очередную, положил её рядом с несколькими уже готовыми, воткнул топор в пень.

– Доску закончишь – на дверь как раз хватит, – сказал он Варфоломею и сел на бревно.

Через некоторое время и Варфоломей, положив готовую доску вместе с другими, воткнул топор рядом с топором брата, отошёл в сторону и с удовлетворением стал разглядывать дело рук своих.

– Слава тебе, Господи, дом Божий заканчиваем, – не отрывая взгляда от церкви, тихо сказал Варфоломей и перекрестился.

– Ныне тепло, дни долгие, теперь и келью быстро сработаем, – отозвался Стефан.

Варфоломей обошёл церковь, рассматривая её со всех сторон, и остановился у входа. Постояв некоторое время молча, он обратился к Стефану. Привыкший жить в послушании воле родителей, Варфоломей спросил:

– По плоти ты мне старший брат, а по духу – вместо отца. Теперь скажи мне, во имя какого святого следует освятить нашу церковь? Какой будет её престольный праздник?

Стефан задумался. Он понимал, что сам он здесь только потому, что не смог оставить младшего брата одного в момент перехода его от размеренной жизни в семье родителей к жизни отшельника, полной невзгод и неожиданностей. В душе его таилась тревога, что сам он не долго сможет выдержать одинокую, трудную жизнь в удалённой от мира пустыне. Он принял решение: раз Варфоломей сам избрал для себя жизнь для Бога и путь отшельника, сам нашёл место сие, тогда пусть он и назовёт имя святого, во имя которого желает освятить возведённую ими церковь. Чтобы не стеснять волю брата, Стефан ответил:

– Вот как закончим церковь, пойдём к святителю просить благословения на её освящение. – Немного помолчал и, внимательно глядя на Варфоломея, спросил: – Скажи сам, во имя какого святого ты желал бы освятить нашу церковь?

Варфоломей тихо ответил:

– Зачем спрашиваешь о том, что сам лучше меня знаешь? Ради послушания я вопрошал тебя, не хотелось мне иметь в сем волю свою, и вот Господь не лишил меня желания сердца моего! – подошёл к брату и продолжил: – Ты, конечно, помнишь, как покойные родители наши не раз говорили, что я трижды возгласил во чреве матери во время литургии?

– Помню, – ответил Стефан. – И отец Михаил, тебя крестивший, и чудный старец, посетивший нас, говорили, что это трикратное возглашение твоё предзнаменовало, что ты будешь учеником Пресвятой Троицы.

– Посему пусть церковь наша будет посвящена пресвятому имени Живоначальной Троицы, – спокойно и уверенно сказал Варфоломей. – Это будет не наше желание, но изволение Божие. Пусть прославляется здесь имя Господне отныне и во веки веков.

– Согласен я, братец мой, – глядя на Варфоломея и улыбаясь, ответил Стефан и, вставая, добавил: – А чтоб сие исполнено было, примемся за работу.

Братья подошли к доскам и стали складывать из них дверь.

В начале июня церковь была построена, только, за неимением стекол, за которыми надо было сходить в Радонеж, окна были прикрыты деревянными щитами. Келью тоже почти закончили, за исключением окон и входной двери, которую братья ещё накануне собрали и теперь устанавливали в проём сруба. Работа подходила к концу. Варфоломей, попробовав, как закрывается дверь, немного подтесал её топором. Стефан, отойдя в сторону, посмотрел на келью и, довольный результатом, торжественно произнёс:

– Ну, всё. Стены есть, пол и крыша есть, лежанки есть, дверь поставили, теперь и жить можно.

Варфоломей, убедившись, что дверь закрывается хорошо, повернулся к Стефану:

– Жить можно, а чем зимой греться будем?

– До зимы успеем и очаг сложить, и дрова заготовить, – не отрывая взгляда от кельи, ответил Стефан.

– До зимы церковь ещё надо освятить, – напомнил Варфоломей.

Стефан повернулся к брату:

– Дело молвишь, только осталось нам стол сработать да навес над ним, затем очистить двор от мусора. Как всё сие закончим, так и пойдём на Москву просить благословения святителя на освящение церкви.

– Ещё надо собраться в дорогу, путь дальний, дорога трудная, неизвестная.

– Пойдём тропами звериными до Радонежа. У Петра переночуем, запасёмся пропитанием, а оттуда на Москву. Там уже есть добрая дорога.

– А всё-таки много мы сделали, – удовлетворённо сказал Варфоломей, глядя на церковь.

– Много, брат, много, – ответил Стефан, обводя взором поляну.

Только теперь, когда самая трудная и неотложная работа была выполнена, они как будто заново увидели всё вокруг. Густой лес окружал поляну со всех сторон. Вековые деревья широкими, мохнатыми лапами нависали над церковью и кельей, осеняя их и шумя вершинами.

Закончив намеченные работы, Стефан и Варфоломей с котомками за плечами и посохами в руках отправились в Москву. На третий день они вышли из леса на широкое поле. Солнце подвигалось к зениту. В воздухе стоял зной, дождя давно не было. Разбитая конскими копытами и повозками дорога пылила, потому братья шли по самой её кромке, задевая покрытую пылью, ещё не примятую траву. Дорожная пыль была везде – и на чёрном подряснике Стефана, и на серой холщовой рубахе Варфоломея, и на сапогах. По сторонам от дороги лежали никогда не кошенные луга, ещё зелёные, с пятнами ярких цветов. Слева луг уходил вниз по склону, скрываясь в ложбине, на краю которой стоял лиственный лес; справа луг простирался до соснового бора. Дорога поднималась на небольшой холм, взойдя на который, братья встретили путника, идущего им навстречу. Был он средних лет, коренастый, крепкого сложения. Войлочная шапка едва прикрывала копну русых волос, борода и усы аккуратно разглажены. Одет в длинную холщовую рубаху, подпоясанную бечёвкой, и такие же порты. На ногах лапти, за спиной котомка, в руке посох – обязательная принадлежность каждого странствующего.

Поравнявшись с путником, братья поклонились ему.

– И вам здоровым быть, – ответил путник с поклоном. – Далеко ли путь держите?

– На Москву, к митрополиту, – ответил Варфоломей. – Скажи, добрый человек, много ль нам идти ещё?

– Да вон она, Москва-то, – путник повернулся назад и указал посохом, – с дороги не собьётесь, да и мимо митрополичьих хором не пройдёте, они самые высокие, на холме у реки.

Братья посмотрели, куда указывал путник, и увидели едва заметные крыши домов и главы церквей.

– Благодарствуем. Спаси и сохрани тебя Господь, – сказал Стефан.

Братья поклонились путнику, тот ответил им тем же и удалился в сторону леса.

– Скоро уж в Москве будем, – бодрым голосом произнёс Стефан.

Варфоломей кивнул в ответ, затем, осмотрев одежду свою и брата, заметил:

– Но мы не можем в таком виде явиться к митрополиту.

Стефан тоже посмотрел на свою одежду:

– Ты же слышал, его дом стоит на берегу реки, там и почистимся.

И братья быстрым шагом пошли в сторону Москвы.

Солнце уже садилось, когда они подошли к палатам митрополита. Все строения были обнесены высоким частоколом, собранным из заострённых брёвен. У ворот их остановил монах.

– Какая нужда привела вас сюда, странники Божии?

– Идём из Радонежа, – ответил Стефан с поклоном. – Есть у нас дело к митрополиту, хотим просить благословения на освящение церкви.

– Проводи их, – обратился монах к проходившему мимо брату.

– Идите за мной, – сказал тот и повёл через двор к лестнице, ведущей в покои митрополита.

Двор был просторный, выложен тёсом. Напротив ворот стояла церковь с высокой колокольней, рядом двухэтажные палаты митрополита, за ними хозяйственные постройки. Строения добротные, сложены из толстых брёвен, крыты лемехом. Во дворе трудились монахи, завершая дневные дела.

Стефан и Варфоломей остановились перед церковью, перекрестившись, низко поклонились.

Следуя за монахом, братья поднялись на второй этаж, прошли по крытой галерее, вошли в небольшую комнату. У окошка, едва пропускавшего тусклый дневной свет, за столом работал старец. Свеча в деревянном подсвечнике освещала его сосредоточенное лицо, скрытое седой бородой. Скудную обстановку в комнате дополняла длинная скамья у стены, над дверью в смежную комнату висела икона Христа.

Старец, не взглянув на вошедших, продолжал работать. Сопровождавший братьев монах что-то тихо сказал ему и вышел из комнаты.

– Ждите, – промолвил старец, не отрываясь от письма.

Братья терпеливо стояли у двери.

Поставив на листе точку, старец пошёл в палату митрополита. Вскоре он вышел и с лёгким поклоном пригласил:

– Митрополит Феогност ждёт вас.

– Благодарствуем, – дружно с поклоном ответили братья.

Перекрестившись перед входом, они вошли в палату и осмотрелись. Увидев иконы Христа и Богородицы, перед которыми теплилась лампада, братья снова перекрестились и низко поклонились.

В углах палаты стояли высокие кованые подсвечники с горевшими на них восковыми свечами. На аналое лежала открытая книга. У стены – длинная скамья с резной спинкой, над ней – три окна с цветными стёклами. Одна стена закрыта полками с книгами в кожаных и деревянных переплётах, здесь же нашли место свитки разных размеров, перевязанные лентами, пожелтевшие от времени и потрёпанные от частого чтения, и совершенно новые бесценные носители мудрости человеческой. Убранство покоев Варфоломей рассмотрел мгновенно; взгляд его остановился, когда он увидел митрополита, сидевшего в кресле, похожем

на трон. По обе его стороны стояли два пожилых монаха. Стефан и Варфоломей опустились перед митрополитом на колени, склонившись в земном поклоне.

– Прости нас, отче, за дерзость, – произнёс Стефан, не поднимая головы, – дозволь обратиться с просьбой великой.

– Встаньте, дети мои, – ласково сказал Феогност.

Стефан и Варфоломей поднялись. Перед ними в кресле сидел уставший седой человек с окладистой бородой, длинными, аккуратно причёсанными волосами. Из-под косматых бровей на братьев смотрели внимательные глаза.

– Поведайте мне, кто вы, откуда и какова просьба ваша, – тихим голосом спросил митрополит.

Стефан, имея опыт монастырской жизни, взял на себя инициативу. Взглянув мельком на Варфоломея, он понял, что тот его одобряет. Варфоломей же, будучи весьма образованным в основах Православной веры, но не имея опыта общения с иерархами церкви, робел и потому был за это благодарен брату.

– Я, отче, инок Покровского монастыря, что в Хотькове, а это брат мой меньшой Варфоломей. Прошлой осенью, по велению души, имея желание посвятить свою жизнь служению Богу, мы с братом, по благословению настоятеля нашего монастыря игумена Митрофана, удалились в пустыню в лесах за Радонежем. Там провели мы зиму. За время то своими трудами поставили малую церковь и келью.

Феогност выслушал Стефана внимательно, с интересом и затем сказал:

– Похвально дело сие, совершаемое во славу Господа. Чего же вы теперь хотите?

– Теперь, отче святый, – продолжал Стефан, – просим мы твоего благословения на освящение храма сего, чтоб, живя в пустыне, могли мы молиться во славу Господа Бога нашего.

– И вы желаете вернуться в пустыню и продолжить тяжкий труд отшельников? – спросил Феогност с некоторым любопытством.

– Так, отче, – уверенно ответил Стефан.

Немного помолчав, Феогност по-отцовски спокойно и назидательно произнёс:

– Пустынножительство – дело тяжёлое и опасное. Не каждый может выстоять в поединке с силами зла, неизбежном при высочайшем подвиге отшельничества. Такой уединённый подвиг выдерживают только иноки, предварительно закалённые долгим пребыванием в монастыре, да и то не все. Ты уже в возрасте, имеешь жизненный опыт, облачён в иноческий образ. А что брат твой? Ведь он совсем молод. Давно ль он покинул отчий дом? Хватит ли ему сил и мужества?

– Ему, отче, уж двадцать один год. Всю жизнь свою пребывал он в послушании праведным родителям нашим, кои скончались прошлой осенью. Жизнь Варфоломея в родительском доме мало чем отличалась от монастырской. Молитва и пост, послушание и труд – всё, как в обители.

Феогност внимательно посмотрел на Варфоломея:

– Но для монашеского звания ему не хватает иноческого обета-клятвы отречься от мирских благ и всецело посвятить себя Всевышнему.

– Такую клятву, отче, я давно принёс в сердце своём, – ответил Варфоломей уверенно, глядя митрополиту в глаза, и поклонился.

– Иноческий постриг, сын мой, важен бесповоротностью, неотменяемостью, – произнёс митрополит тоном, каким увещевают детей.

Стефан пришёл на помощь Варфоломею:

– Отче, Варфоломей не по букве, но по духу был истинным монахом с младенчества, ещё во чреве праведной матери, воспринявшей подвиг молитвы и поста ради благодатного

ребёнка. Отшельничество наше в сию зиму сразу показалось Варфоломею по плечу только потому, что домашняя обитель заменила для него житие среди иноческой братии.

– Сын мой, – обратился Феогност к Варфоломею, – хватит ли тебе сил продолжить столь трудный путь? В Евангелии от Матфея сказано: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.